
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеполитическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халлоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tenggrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Догсомын Бодо¹

Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния

Когда наблюдаешь цветы прекрасного мира разноликого,
Душа радуется, забываешь о последствиях своих поступков.
Когда размышляешь об истинных причинах поступков,
Никак не можешь избежать основных правил.
Когда увлекаешься красивой девой,
Встаешь на путь лжи, в плену алчности
Предавая верного мужа, верную жену,
Тотчас навредишь брэнному телу, утратишь мимолетную жизнь.
Известно, как человек подвержен соблазнам изменчивого мира.
Но вид красавицы, ее миловидное лицо, подобное
Маске, простого человека обмануть и унижить может.
Хороший человек иногда даже лишается разума
Из-за порочных желаний, вина и пирушек.
Наслаждается безграничным счастьем, а там печаль.
Этот брэнный мир лживый, изменчивый и коварный.
Невозможно не думать о женщинах в ночной час.
Муж, попавший в плен похотливых желаний, оказался на дне.
Такие достойны лишь презрения!

Сегодня, мои молодые друзья, послушайте краткое повествование под названием «Коралловые четки».

Когда-то давно в столице Тушэтханского аймака Халхи городе Хурэ жил Радна, детское имя Изюм. Отца звали Сайджрах. С малых лет он ездил заниматься торговлей в Тарвагтай. После того как супруга Янджин умерла, у него на руках остался малолетний сын. Других детей не было, ребенок он ни на кого не мог оставить, да и торговлю — единственное средство существования — нельзя было бросить, поэтому пришлось возить семилетнего мальчика повсюду с собой. Одновременно он обучал его всем премудростям и наукам, а также торговому ремеслу.

Мальчик отличался прирожденной красотой — белозубая улыбка, пухлые губы, большие черные глаза. Смешливый и способный ребенок все схватывал на лету. Разумностью не уступал взрослым. Люди говорили: этот ребенок родился в садах, настоящий жемчуг, золото-ребенок. Остерегаясь человеческой зависти и дурного глаза, Сайджрах скрывал, что это его сын, называл его то племянником, то внуком. Сопровождая отца, на радость ему Радна научился науке обращения с людьми и торговому делу. Время быстро летит. Едва сыну исполнилось 18 лет, как Сайджрах заболел и умер. Радна поплакал, поплакал, но ничего не поделаешь, совершил похоронный обряд, заказал молебен по покойнику. Но об этом мы рассказывать не будем.

49 дней продолжался траур — слезы, горькие стенания заполнили дом.

Помянуть Сайджраха пришел дальний родственник Радны Санджид. Стал расхваливать Радну — ведь юноша один управился с похоронами. Еще сказал:

— Дочь у меня выросла. Хорошей будет тебе подругой.

Сняв траур по своему отцу, Радна отправил сватов в дом Санджида. Сговор состоялся, в дом невес-

¹ Известный общественный и политический деятель Монголии Догсомын Бодо (1885—1922) родился в Маймачене. В детстве получил домашнее образование, работал при Русском консульстве, занимался журналистикой, просветительской деятельностью. Создатель первого революционного кружка на территории Монголии, один из семи революционеров, которые в 1919 г. учредили партийную ячейку в Иркутске. После 1921 г. занимал пост премьер-министра Народной Монголии, расстрелян в 1922 г. Рассказ «Коралловые четки» представляет собой переработку сюжета китайских народных повестей эпохи Мин, которые были популярны в Монголии в XVIII—XIX вв.

ты отправили девять даров. Юноша облачился в красивый свадебный наряд жениха. Его «белая дорога стала красной дорогой». Шатер пышно украсили, зажгли лампы. Пир шел горой, вино лилось, и цветы везде пестрели. Легко найти убранство праздника, да нелегко супругу исключительной красоты. В первую брачную ночь жених и невеста познали удивительное счастье облака и дождя.

Невесту звали Мьядагма. Она была третьей, младшей дочерью старика Санджида. Старшие дочери были уже замужем. Все были красавицы, но младшая особенно покорила всех неземной красотой.

Поистине:

В светлом мире много красивых жен,
Но таких красавиц, как дочь Сайджраха, мало.
Тот, кто возьмет ее в жены, будет счастлив,
Так что не нужно мечтать стать сыном императора.

Как говорится, если ошибешься в торговле, что неудачно купишь, один раз переживаешь, но если не найдешь хорошую жену, всю жизнь будешь печалиться. Сайджрах давно слышал, что у Санджида есть красивая дочь, и когда дети были маленькими, он сосватал ее для своего сына.

Они стали жить на втором этаже двухэтажного дома с застекленными окнами. С утра до вечера наслаждались любовью, не расставались друг с другом ни на минуту, даже во сне были вместе. Но, как говорится, долго тянутся страдания, а счастливые мгновения пролетают быстро. Вот и лето кончилось, пришла зима, год миновал. Радна вспомнил, что в Тарвагтае остались у него должники, которые брали в долг деньги еще у его отца. Вечером он поговорил об этом с женой. Супруга согласилась, что хоть раз надо съездить, но едва услышав разговоры о дальней дороге, сразу впадала в отчаяние, начинала плакать. Никак не могла смириться с мыслью о расставании с любимым мужем, на глаза наворачивались слезы. Влюбленные никак не могли решиться расстаться. Еще год прошел как один час, другой год прошел. Наконец Радна все-таки твердо решил ехать. Тайком от жены стал собираться в дорогу. дождался благоприятной луны и за пять дней до отъезда сообщил жене о своем решении:

— Если будем сидеть на одном месте, то даже от горы ничего не останется, лесистая сопка опустеет. Мы с тобой семья. Должны думать о хозяйстве. Кто кроме меня будет добывать нам пропитание и одежду? Сейчас весна, удобное время для поездки — не холодно и не жарко. Нельзя желать лучшего для дороги.

Мьядагма поняла, что на этот раз не сможет запретить ему поездку. И только спросила:

— А когда ты вернешься?

— Мою поездку больше нельзя откладывать. Плохо или хорошо, через год вернусь.

Потом он показал на горы, видневшиеся в окне вдалеке, и сказал:

— Когда листья на деревьях в тех горах зазеленеют, наша разлука кончится.

У нее градом полились слезы. Радна вытер ей слезы рукавом, но и у самого по щекам слезы пока-

тились, как рассыпанный жемчуг. Трудно передать словами, как они переживали предстоящую разлуку. Расставание было невыносимо. На пятый день перед отъездом они всю ночь не спали, сидели обнявшись и разговаривали. Около пяти часов утра Радна встал, оделся, отдал Мьядагме на хранение красные коралловые четки с жемчужным и золотым обрамлением, доставшиеся ему в наследство от предков, потом достал деньги, долговые расписки, свои вещи и одеяла в дорогу, подарки, взял одного из двух слуг, которые у него были, одного оставил дома. Позвал служанку Дулму, наказав ей все время быть рядом с Мьядагмой, развлекать ее, не отходить от нее ни на шаг. Сказал на прощание жене:

— Детка, береги себя, будь осторожна. В этих краях немало легкомысленных людей. А ты хороша собой. Не отходи далеко от дома, а то задуешь огонь в очаге.

— Не беспокойся обо мне, скорей возвращайся, — ответила жена. Так они расстались. Радна всю дорогу думал о своей жене. В дороге находился почти два месяца и вот наконец прибыл в Тарвагтай, остановился в гостинице, где было много знакомых. Раздал им подарки, слугам дал вино, чтобы устроить званый ужин. На другой день стал заниматься делами, и пятьдесят дней у него не было ни минуты свободного времени. От дальней дороги Радна устал, да еще местная пища не подходила ему, и он заболел. Только поздней осенью поправился. Болезнь осложнила его торговые дела, пришлось задержаться и надолго. Прошел год, но он не был готов ехать домой. Дел еще было много. Хотя он и очень тосковал по дому. Правда, чем дольше отсутствовал, тем меньше тосковал. Но мы пока не будем об этом рассказывать.

Вернемся к его супруге Мьядагме. Как муж и наказывал, несколько месяцев она не выходила из дома и даже вниз не спускалась, сидела неподвижно, так что тень ее и та не двигалась. Приближались новогодние праздники. В каждом доме начались хлопоты, повсюду раздавались смех и радостные голоса, жены с мужьями ходили в гости. Мьядагма от праздника, шумевшего за стенами ее дома, еще больше скучала по мужу. Ночи напролет плакала. Кончается старый год, но страданиям нет конца. Снова весна вернулась на порог, а муж не возвращался. Она печалилась, не радовали никакие наряды и украшения. На второй день новой луны цаган сара служанка Дулма и говорит своей хозяйке:

— Давайте выйдем за ворота, посмотрим на улицу, как люди веселятся.

Мьядагма согласилась, подошла к воротам, посмотрела на улицу — там было очень многолюдно.

— Сколько народу, сколько прохожих, но ни одного астролога не вижу. Если ты увидишь астролога, позови его, я хочу погадать, узнать, когда муж придет, — сказала Мьядагма.

— Сегодня праздник, все отдыхают. Пять дней цаган сара бесполезно кого-то искать. А вот после приведу вам такого человека, — ответила Дулма.

Действительно, утром четвертой луны, выпив чаю, Дулма пошла в город и привела в дом Мьядагмы астролога. Его гадание гласило:

— Ваш муж сейчас в дороге. Дела его успешны, он много денег заработал. В течение двадцати одного дня будет весть от него. А сам явится по окончании третьего весеннего месяца. У него все хорошо.

Мьядагма дала гадателю три лян серебра и хадак. На душе у нее стало легко и радостно. Она готова была летать, ног под собой не чуя.

Мьядагма совершенно поверила астрологу и с нетерпением ждала возвращения любимого мужа. Каждый час выбегала на улицу и рассматривала прохожих. Когда наступил третий весенний месяц, листья на деревьях зазеленели, подумала, что это и есть известие о возвращении мужа. Однажды с бьющимся сердцем выбежала за ворота и вдруг видит — идет по улице очень красивый молодой человек. Застыв на месте, смотрела на него, пока не столкнулась с ним лицом к лицу. Как говорится: «Когда судьба, то пусть тысячу мест обойдешь, но встретишь ее, а если не суждено встретиться, то даже столкнувшись нос к носу, пройдешь мимо». Если вы спросите, кто был этот молодой человек, скажу вам, что это приезжий, житель дербетского аймака, из города Кобдо. Зовут Балбар, ему только что исполнилось тридцать два года. Не уступает по красоте и манерам Радне. Родители Балбара приезжают два раза в год в столицу Хурэ для покупки шелка, тратя каждый раз по две-три тысячи лян серебра.

В этот день они отправились к своим знакомым на ту улицу, где жили Радна и Мьядагма, чтобы узнать о своем доме. Выйдя за ворота, Мьядагма увидела молодого человека, очень похожего на Радну, — так же издали блестел у него спереди на шапке белый драгоценный шарик, отливало на солнце сиянием зеленый парчовый дэли, крупные золотые пуговицы были видны издали. И походка и одежда — все напоминало Радну. Она шагнула за порог на улицу, чтобы убедиться, не Радна ли это вернулся. Балбар, увидев красивую молодую женщину, не мог отвести от нее глаз. Мьядагма убедилась, что это не ее муж, сильно покраснела и быстро вернулась в дом, сердце ее гулко билось. Когда Балбар вернулся в гостиницу, он все еще не мог успокоиться, будучи покорен красотой Мьядагмы. «Моя жена, которая осталась дома, конечно, красавица, но она никак не может сравниться с этой, — думал он. — Надо подать ей весточку». Но войти в дом к незнакомке было невозможно. «За одну ночь с такой красавицей не жалко никаких денег», — вздыхал Балбар. Тут он вспомнил о старой своей знакомой пожилой женщине по имени Дума, которая жила на этой же улице. Она торговала шелковыми тканями и хадаками. Говорливая, словоохотливая женщина целые дни проводила на рынках и в магазинах, поэтому хорошо знала всех людей в округе. Он решил с ней посоветоваться. Всю ночь Балбар вертелся, вздыхал, не мог заснуть от нетерпения. Встал ни свет ни заря, умылся холодной водой, положил в карман сто лян серебра, два

золотых слитка по 50 лян и направился к старухе Думе.

Поистине:

Хочешь испытать счастье, а вместо этого накличешь беду.

Балбар пришел в район, где жила Дума, постучался. Женщина сидела с распущенными волосами у огня. Услышав стук в дверь, спросила:

— Кто там?

— Балбар из Кобдо.

Поспешно открыла дверь, впустила гостя.

— Я еще не умылась, неприлично так приветствовать дорогого гостя. Что так рано вы, уважаемый, пожаловали? Какое дело у вас ко мне?

— Дело очень важное. Боялся, что не застаю, вот и пришел пораньше.

— Наверное, вам хадак понадобился?

— Хадак возьму. Но есть и другое дело к тебе.

Балбар достал из кармана деньги, развязал узелок, положил на стол перед Думой:

— Здесь сто лян, это деньги родителей. Может, этого покажется мало. Вот еще два желтых слитка золота, — положил на стол, — плачу серебром и золотом, — сказал он, — если мамаше не понравится, можете отказаться. Я по доброй воле их принес. Никто другой не поможет мне в моем деле, поэтому я здесь.

Посмотрите на него, мудрые читатели.

Кто не обращался к помощи денег во все времена?

Какая женщина не позарится на золото?

Как не воспламенится душа, глядя на желтый и белый металл?

Дума широко улыбнулась и сказала:

— Не обижайте меня, господин. Я за всю свою жизнь не взяла ничего чужого просто так, даже величиной с волосинку. Расскажите мне о своем деле. Я постараюсь помочь. Пусть все это пока здесь полегит. Но если не получится, заберете все обратно.

Она завернула слитки и положила в сундук, а сама была несказанно довольна. Заперев сундук, спросила:

— Кланяюсь вашей доброте молодой господин. Скажи, какое дело привело тебя?

— Ищу драгоценность, которая может мне жизнь спасти, — ответил Балбар, — этого сокровища больше нигде нет, есть только на вашей улице. Поэтому я и хочу, чтобы вы, мамаша, посодествовали мне.

Женщина открыла рот от изумления, оскалила желтые зубы, вытаращила синие свои глаза, так что заблестели слезы, и сказала со смехом:

— Вот интересная штука, — сколько лет живу на этой улице, но еще никогда не слышала, что тут скрывается драгоценность, которая жизнь может спасти человеку. Скажи мне, юноша, что это за сокровище.

— Оно находится в русском деревянном двухэтажном доме, что напротив магазина моего знакомого Буянты.

Женщина задумалась, долго молчала и наконец произнесла:

— Это дом местного богача Радны. Он вот уже год, как уехал по торговым делам. Там одни женщины остались.

— Сокровище, что меня спасет — как раз его жена, — сказал он, потом наклонился к ней поближе и выложил все, что было у него на душе. Дума выслушала, покачала головой, потом глухо, с волнением, проговорила:

— Это дело очень трудное. Муж и жена ни на минуту не расстаются. Молодая жена. С тех пор как Радна привез ее, еще и пяти лет не прошло. Видно, очень важное дело вынудило ее покинуть дом. Она вообще не выходит. Женщина очень строгих правил, соблюдает себя. А у Радны нрав непримиримый, строгий. Даже я ни разу не переступала порог их дома. И вообще я незнакома с его молодой женой, так как же я вам помогу, молодой господин?

Балбар, услышав эти слова, весь затрясся от отчаяния, упал перед ней на колени:

— Тетушка, дорогая, вся моя жизнь в ваших руках. Придумайте, пожалуйста, какой-нибудь способ, умоляю. Если спасете меня, я вам еще сто лян принесу. А если оттолкнете, мне лучше сразу же умереть.

Женщина растерялась, не знала, что и делать, что говорить.

— Ну полно, полно, сынок. Встань. Не позорь меня, старую. Вот что тебе скажу, послушай.

— Это дело требует времени и неспешности. Если будете требовать от меня каких-то сроков, свидание назначать, ничего не получится.

— Если есть надежда, я готов ждать сколько угодно — и месяц, и год. Лишь бы сыскалась какая-то хитрость помочь мне.

— Торопиться не будем, но и откладывать в долгий ящик тоже не будем. Завтра утром встретимся возле магазина Буянты. Принеси немного денег, чтобы со мной поторговаться. И тогда что-нибудь придумаем. Если мне удастся перешагнуть порог дома Радны, считай, что тебе повезло, удача на твоей стороне. А ты ступай в свою гостиницу. Не крутись возле их дома, иначе тебя заподозрят. Испортишь все дело. Как только что-то начнет получаться, хотя бы малейшая надежда появится, я дам тебе знать.

— Все исполню, как вы, уважаемая, говорите, — Балбар низко поклонился Думе и вышел. Радостный, пошел домой. Надежда окрыляла его.

На другой день Балбар умылся, надел новое дэли, захватил двести-триста лян серебра, аккуратно завернул их в узелок, дал мальчишке-носильщику. Придя к магазину Буянты, посмотрел на дом напротив — двери в нем были плотно заперты. Он вошел в лавку, свернул белую папиросу, закурил. Стоя у входа в магазин, глядел по сторонам. Вскоре появилась Дума с ящичком в руках.

Балбар позвал ее и спросил:

— Что тут у вас?

— Всякая всячина для женщин и девиц — шелк, кольца, серьги.

— Покажите мне. Может, я куплю.

Женщина вошла в магазин, поздоровалась с хозяином и открыла свой ящичек. Действительно, чего там только не было! Кольца и серьги с драгоценными камнями, жемчуг, хадаки шелковые, цветы бумажные на шляпку. В глазах пестрело от красоты.

Балбар выбрал самое большое золотое кольцо и серьги с жемчугом, около десятка хадаков и собрался все это покупать.

— Сколько? — спросил он и приготовился достать из узелка деньги.

— Господин, если хотите купить, покупайте все, — сказала Дума, — Вы же не боитесь цены, денег-то у вас много.

Балбар понял ее уловку. Открыл узелок, пересчитал деньги и громко сказал:

— Деньги-то у меня есть. Но все твои вещи купить не хватит.

Около магазина стали собираться зеваки, люди следили за их перепалкой.

— Я пошутила. Уберите деньги. Если сойдемся в цене, купите только то, что вам понравилось.

Балбар не соглашался на цену купчихи, а та не уступала. Громко ругаясь, Балбар не выпускал из рук товар. Кричали на всю улицу. Народу собиралось все больше.

— Если хочешь покупать, покупай, — сердито сказала женщина. — А не берешь, так оставь это.

— Почему же не хочу, хочу. Это я беру.

Эти горячие споры, громкие голоса напугали нашу героиню в доме напротив. Мядагма посмотрела в щелочку ворот, увидела старую торговку, разложенные серьги и кольца, золотые и драгоценные украшения, так что в глазах рябило, самой захотелось что-то купить. Она велела Дулме позвать продавщицу в дом.

— Хочу посмотреть на украшения, — сказала она.

Дулма послушно отправилась на улицу, подошла к торговке, потянула ее за рукав:

— Моя хозяйка зовет вас.

— Куда, где, какая хозяйка? — притворно переспросила Дума.

— Вон, напротив, дом Радны.

Женщина выхватила из рук Балбара хадаки, золотые и серебряные украшения, торопливо положила их обратно в ящичек со словами:

— Мне с тобой некогда базарить.

Балбар обрадовался, хотя и не подал виду. Пошел обратно в гостиницу.

Придя в дом и едва увидев Мядагму, Дума подумала: «Если бы я была мужчиной, тоже бы голову потеряла от такой красоты. Конечно, неудивительно, что Балбар в нее влюбился».

А вслух сказала:

— Я, старая давно слышала, что здесь живет красавица и умница. Но не привелось до сих пор познакомиться. Счастливый сегодня день у меня!

— Как вас зовут? — спросила Мядагма.

— Зовут меня Дума. Я на западной окраине этой улицы живу. Соседка ваша.

— Почему ты не можешь эти вещи продать?

— Покупатели смотрят, вещи им нравятся, только цена не подходит, вот они и не покупают ничего, — засмеялась Дума.

Она развернула тряпку, достала шкатулку и показала несколько украшений молодой хозяйке.

— Вот, посмотрите. Конечно, такая красота не может людям не нравиться. Вот они и просят — продай да продай.

Потом показала Мядагме несколько шелковых хадаков:

— Они не понимают настоящей ценности шелка.

Мядагма посмотрела, потом спросила, сколько стоит.

— Конечно, как они купят, это же дорого, — сказала она, услышав цену.

Мядагма позвала служанку, велела принести чаю.

— Чай я пить не буду. У меня срочные дела на западном рынке. Я ведь туда шла, да вот этот человек меня задержал, пока с ним разговаривала, много времени прошло. Ничего не продала и время потеряла. Можно, я шкатулку здесь оставлю, запрю ее, потом вас побеспокою?

Мядагма позвала Дулму, чтобы та проводила гостью. Ей очень хотелось посмотреть, что в шкатулке, но решила подождать торговку, чтобы обсудить с ней цены. Прошло дней пять, прежде чем та вернулась к Мядагме за своей шкатулкой.

В тот день шел сильный дождь, прямо ливень. Сквозь шум дождя Мядагма услышала, как кто-то постучался в ворота. Это пришла Дума, вся промокшая. Поставила свой дырявый зонтик возле лестницы со словами:

— Не люблю являться в ясный день, Жду, когда польет дождь, — в песне так поется. Вот и я дождалась дождя, — проговорила она, входя в дом и кланяясь.

— Где вы все эти дни были? — спросила Мядагма гостью.

— У моей младшей дочери сын родился. Ходила к ней, там несколько дней пробыла. Вот сейчас только вернулась. По дороге дождя меня застал, зашла к знакомым, попросила напрокат зонтик.

— Тетушка, сколько у вас детей? — спросила Мядагма.

— Три дочери и один сын. Сегодня была у младшей. Она замужем за кассиром Балданом. Скоро они на улице к северу от вас собираются лавку открывать.

— Хорошо, что у тебя много дочерей. У тебя не возникает проблем. Здесь, как правило, по одной жене бывает у мужа. Не то что в других местах — по несколько жен в одной семье, — сказала Мядагма.

— О, вы не знаете, уважаемая, как бывает. В иных семьях и самую младшую жену так уважают, что не хуже, чем единственную супругу. Моя дочь сидит в лавке, управляет слугами. Когда я прихожу к ней, старую мать принимают с большим почтением. Она не беспокоится ни о чем. А сейчас сын у нее родился, так муж еще больше ее стал любить.

Мядагма ответила:

— Ну и хорошо, повезло, значит.

В это время Дулма принесла чай.

— Давайте, я вам достану несколько заколок для волос, посмотрите, все равно в этот дождливый день не выйдешь на улицу. Я пока отмечу, что вам понравилось, — предложила Дума.

— Да я хочу простые вещи купить. Ты не смейся надо мной.

Она принесла ключ, открыла свой сундучок и вынула оттуда несколько заколок.

Дума посмотрела на украшения Мядагмы и с восхищением сказала:

— Какая красота! Это не сравнится с моими вещами.

— Что ты говоришь, тетушка! Я просто хотела узнать, какие цены.

— Уважаемая госпожа и сама знает цену этим вещам, меня можно не спрашивать.

Мядагма убрала свои заколки, потом поставила шкатулку Думы на стол и стала доставать оттуда украшения, рассматривать каждую вещь и прицениваться. Цены были доступные, Дума не торговалась.

— Что же ты так дешево продаешь? — удивилась Мядагма. Это же тебе невыгодно.

— Ничего, ничего, если немного уступлю цену, все равно с удовольствием отдам.

— Не могу тебе заплатить все сразу. Другую половину отдам, когда муж вернется. Думаю, на днях должен вернуться, — сказала Мядагма.

— Да ладно, могу несколько дней подождать. Мы в цене сошлись, у меня и так будет прибыль.

— Трудно найти собеседницу в будние дни. Приходи еще ко мне.

— Конечно, пока нет вашего господина, я буду приходить, развлекать, а то у меня дома очень шумно, у вас здесь так тихо и спокойно.

— Твой сын какой торговлей занимается?

— Он тоже купец, собирает драгоценные камни, кольца, хадаки, каждый день ищет, где бы купить подешевле. Я хожу по улицам, по разным местам, редко бываю дома. Если целый день просижу дома, то устаю от этого.

— Когда тебе будет скучно, приходи ко мне, будем разговаривать, — предложила Мядагма.

— Я боюсь тебе часто надоедать.

— Не стесняйся, приходи.

В это время Дулма принесла тарелки, ножи, вилки, два блюда соленой курицы, два блюда копченого мяса, два блюда свежей рыбы, блюдо с фруктами и овощами — всего шестнадцать блюд...

— Зачем так много всего наготовили? Переводите зря еду, — заговорила Дума.

— Зачем нас ругать за то, что принесли уже готовое? — сказала Мядагма и налила гостье вина в бокал.

Они сидели друг против друга, пили и разговаривали. Мядагма была не прочь выпить, а гостья вообще крепко выпивала, могла выпить ведро вина, сама была как бочка с вином. Женщины сидели, весьма довольные друг другом, только сетовали, что поздно встретились.

Сидя и пируя, они не заметили, как прошел день, солнце скрылось. Тогда гостя стала собираться домой. Поблагодарила Мядагму. Мядагма заставила гостью выпить еще несколько бокалов, потом они вместе поужинали. Мядагма сказала:

— Тетушка, приходи ко мне днем, я тебе отдам половину суммы за украшения.

Они распрощались. Дума спустилась вниз, взяла зонтик и вышла за ворота.

Поистине:

Разговоры развратных жен
Могут обмануть даже высоких людей этого мира.

Тем временем Балбар сидел у себя в гостинице, с бьющимся сердцем ожидая вестей, но несколько дней ничего не было. В тот дождливый день у него не было больше сил терпеть, и он отправился к Думе домой, подумав, что она в такой ненастный день никуда не пойдет, будет дома.

Он брел по грязи еле-еле, но наконец пришел в юрочный квартал города. Но Думы там не было. Он зашел в винную лавку, опрокинул несколько бокалов вина, поел и снова пошел к юрте Думы, там ему ответили, что она все еще не пришла. Он собрался идти назад, как вдруг увидел подходившую к дому Думу. Балбар поклонился и спросил:

— Ну как там дела?

— Нет, нет, рано, еще не пора, — замахала она на него руками. — Можно сказать, что сейчас пока только семена посадили, а ростки еще не взошли. Придется, наверное, лет пять-шесть подождать, пока цветы не покраснеют и сами не упадут тебе в рот. Ты не обижайся на меня, я не такой человек, который слово не держит, — сказала Дума.

Балбар увидел, что она совершенно пьяна, и ему ничего не оставалось делать, как возвращаться домой.

Прошло еще несколько дней. Дума накупила в лавке всякой снеди — кур, рыбы, позвала повара, попросила приготовить блюда, сложила всю еду в две корзины, купила две бутылки хорошего вина, позвала соседскую девочку Лыгжилму, чтобы она все отнесла ей на коромысле. И вместе с ней отправилась в дом к Мядагме. Подошли к воротам. Мядагма увидела ее, приказала Думе открыть дверь. Войдя, Лонжилма сложила корзины у дверей и ушла. Мядагма встретила дорогую гостью сама, спустилась вниз ей навстречу. Торговка принялась тысячу раз отвешивать поклоны Мядагме.

— Сегодня я решила поднести дары уважаемой госпоже, попотчевать, развлечь, — сказала она.

Мядагма ей отвечает:

— Ты, тетушка, столько денег потратила, я не могу это принять.

Но торговка слушать ничего не хотела, позвала служанку и велела накрыть на стол. Тотчас столы были заставлены яствами.

Дума принесла палочки, бокалы, разожгла угли и подогрела вино.

— Сегодня мне стало грустно, и я решила навесить госпожу.

Мядагма сказала:

— Хорошо, что пришла. Ты уже в таком возрасте, что надо уважить пожилого человека.

Так они долго разговаривали, обмениваясь любезностями. Дума уселась на место гостя. Выпили по бокалу вина, на сердце стало весело и радостно. Женщина спросила:

— Почему это ваш господин так надолго уехал, бросил госпожу одну?

— Первый раз уехал так надолго. Обещал через год вернуться, но вот уже полтора года прошло, а его все нет. Не знаю, что его так задержало.

Женщина говорит:

— Я, старая, думаю, что таких красавиц, подобных цветку и нефриту, как вы, нельзя одних оставлять. Потеряешь, тогда что будешь делать? Хоть золотой храм построй, серебряную гору собери добра, разве сравнится это с таким сокровищем? — сказала Дума и добавила:

— В пути он преодолевает горы и реки. Степь — его дом, и дом — это степь. Вот расскажу, что мой зять Балдан никогда не расстается со своей младшей женой, моей дочерью. Старшая жена остается дом сторожить, за слугами следить, а он ездит с младшей женой повсюду, не расстается с нею. Утром и вечером они радуются. Им о доме некогда скучать. Три года путешествовали, вот недавно вернулись.

— Нет, мой муж не такой, — сказала Мядагма.

— Ой, простите меня, я, старая, не знаю, что такое говорю. Я просто так сказала, как можно сравнивать землю и небо? Разве можно такое небесное создание с кем-нибудь сравнивать? Извините, я заставила вас опечалиться.

Потом они принялись играть в карты. И вечером расстались. На третий день снова Дума пришла вместе с Лонжилмой, якобы чтобы получить деньги за драгоценности. Мядагма снова оставила ее на ужин. С тех пор она стала приходить каждый день под предлогом, что хочет скорее получить долг за проданные драгоценности, чтобы спросить, не приехали ли муж Мядагмы, чтобы взять оставшуюся сумму за украшения. Дума была острой на язык, насмешницей, болтушкой, все время веселила служанок, ее приходу были рады. Однажды, когда Дума не появилась в доме, Мядагма притворилась больной, простуженной и послала Дулму за подругой, чтобы та пришла навестить ее.

Так вот, знаете ли вы, что четыре греха приводят на дно. Если человек заразится одной такой болезнью, уже не сможет остановиться. Четыре вида грешников — это монахи, монахини, нищие и развратные мужчины и женщины. Первые три еще ничего, можно извинить, но торговка развратная хуже всего. Девять из десяти мужчин, когда им наскучит в одиночестве проводить ночи, призывают к себе в постель служанок или чужих жен. Эта торговка Дума вообще нехороший человек. А Мядагма так к ней привязалась, что не мыслила и дня прожить без нее.

Поистине:

Когда рисуешь волка, ты изображаешь только шкуру, а кости ведь невозможно нарисовать, их не видно.

Видишь человека впервые, узнаешь его будто бы, но душа его от тебя закрыта.

В то время уже наступила середина мая. Стало жарко. Однажды, сидя у Мядагмы, тетка пожаловалась:

— В моей юрте такая духота, теснота, она выходит на запад, и летом там очень жарко. А здесь на втором этаже в доме прохладно и хорошо.

— Ну, тогда приходи сюда ночевать, — предложила Мядагма.

— Я боюсь, вдруг вернется ваш господин.

— Если даже он и вернется, то это будет не ночью. Ночью он не придет. Предупреди домашних и живи у меня до конца лета.

Тетка так и сделала, сказала сыну и невестке, взяла коробку со своими вещами, щетками, мочалками и расческами.

— Зачем ты это принесла? Ты что, думаешь, что у меня нет щеток и расчесок?

— Да нет, я уже стара стала. Привыкла своим тапком пользоваться. И как я могу пользоваться одной расческой с уважаемой госпожой? Боюсь, что вы потом будете брезговать. Мне нетрудно было принести. Уважаемая госпожа, где вы мне, старухе, позволите переночевать? — спросила Дума.

Мядагма показала на маленькую железную кровать перед столом:

— Я тебе уже все приготовила. Вот кровать. Мы вместе будем здесь спать. Если я ночью не смогу заснуть, будем разговаривать.

Она принесла пеструю ширму, повесила перед кроватью занавеску, и они опять стали пить вино, а потом легли спать.

Начиная с этого дня, Дума уходила торговать и по своим делам по городу, а ночевать приходила в дом Радны. Иногда она покупала хорошего вина, и они выпивали. Поскольку их кровати были совсем рядом, разделяла их одна занавеска, по ночам они разговаривали. Тетка рассказывала о том, что она в этот день видела, слышала, всякие непристойные анекдоты рассказывала не стесняясь. Иногда настолько была пьяна, что рассказывала о том, как она обманывала мужчин в молодости, о своих похотливых приключениях. От этих рассказов Мядагма то краснела, то бледнела. Бледнела, потом опять краснела. Тетка понимала, что ей удалось задеть молодую женщину за живое. Но об этом не будем рассказывать.

Словно тень, быстро промелькнуло время, наступило седьмое число июля — день рождения Мядагмы. Тетка в этот день накрыла столы разными яствами и напитками. Поздравила утром Мядагму и сказала:

— Сегодня у меня дела в городе. Давайте вечером отпразднуем. Я пойду в город сейчас.

Она спустилась вниз, крикнув:

— Не провожайте меня.

Выйдя за ворота, Дума встретила Балбара. Но говорить открыто на улице нельзя было. Когда они зашли за угол, Балбар напустился на нее с руганью:

— Сколько можно ждать? Уже весна прошла и лето заканчивается, а ты все тянешь! Скоро муж придет, а мне что делать? Завтра опять, говоришь, еще рано будет? Для меня каждый день как год. Лучше меня убей. Отправляешь меня к Эрлику в ад.

— Не сердись, не сердись, подожди, расскажу тебе все. Хорошо, что ты пришел. Сегодня ночью все решится. И тогда сбудется твоя мечта. Только тихо иди, смотри, чтобы тебя никто не заметил.

— Хорошо, — согласился Балбар, — я тебя отблагодарю.

Поистине:

Распалает чувства, страсть накаляет, взбивая облака, вымывая дождем проливным.

Истинное сокровище размотал, нефрит заклеил, — вот каких дел наделал.

В тот же день Дума позвала Балбара и сказала ему:

— Этой ночью дело твое получится, — сказала она.

После обеда шел сильный дождь, к вечеру он прошел, но все небо было затянуто облаками, не видно ни луны, ни звезд. Как стемнело, Дума привела Балбара к дому Радны. Постучала в дверь. Вышла Дулма со свечой, открыла ворота. Тетка потянула ее за рукав со словами:

— Ну-ка, посмотри, у меня где-то платок упал. Давай поищем вместе.

Дулма вышла на улицу со свечой искать шелковый платок. Только она отвернулась, Дума тихонько провела Балбара в дом и спрятала его под лестницей. Потом она позвала Дулму, вытащив из рукава заранее спрятанный платок:

— Эй, смотри, оказывается, здесь мой платок, не ищи.

— Свеча погасла, — сказала служанка, — подождите, сейчас я пойду зажгу ее.

— Не надо, зачем зря свечи жечь. Я и так здесь все хорошо знаю, в темноте поднимусь, — ответила Дума и пошла наверх.

Они в темноте закрыли двери, и Дума пошла на второй этаж.

— Что ты потеряла? — спросила Мядагма.

Дума вытащила из рукава платочек и говорит:

— Да вот этот платочек. Вещь дешевая, но мне один мужчина в подарок из Пекина привез, дорогой мне подарок, — ответила Дума.

— А-а, подарок твоего старого любовника? — засмеялась Мядагма.

— Да, пожалуй что так, — ответила со смехом тетка.

Они смеялись, ели, пировали до полночи.

— Какие хорошие закуски. Служанки постарались. Надо их отблагодарить, — сказала Дума.

Мядагма согласилась и отправила еду и бутылку вина на кухню. Служанки и повар ужинали там.

— Что это так долго господин ваш не возвращается? — спросила Дума. — Ну ничего, пусть юноша за морем, а девушка за горой, но все равно когда-нибудь встретятся. Он купец, для него нет разницы,

где находиться — снег и ветер везде одинаковы. А вот жены, оставшиеся дома, страдают.

Мядагма при этих словах горестно покачала головой и замолчала, подперев рукой голову.

— Сегодня праздничный вечер. При свете звезд надо праздновать, пировать и радоваться, а печалиться не годится, — сказала Дума, — я, глупая, зря расстроила мою госпожу.

Она налила вина, заставила Мядагму выпить. Молодая женщина захмелела. Дума налила еще бокал вина и дала выпить служанке:

— Вот, выпей. Это специальное праздничное вино, называется «Волопас и Ткачиха», его пьют, чтобы в будущем со своими любимыми не расставаться.

Дулма выпила и, не в силах выдержать крепость вина, запянула, упала на подстилку тут же, повернулась на бок и уснула. Мядагма растолкала ее, отвела на кухню, там уложила спать.

Оставшись вдвоем, они продолжали пить и разговаривать.

— Госпожа, вы в каком возрасте вышли замуж?

— В семнадцать лет, — ответила Мядагма.

— Ой, как поздно. А у меня первый мужчина был в тринадцать лет, — сказала Дума.

— Неужели так рано вы спали с мужчинами? — спросила Мядагма.

— Ну, если уж говорить об этом, о связях с мужчинами, то я восемнадцати лет вышла замуж. Что мне от вас скрывать? У соседей был мальчик, очень милый, мне он очень нравился. И я ему нравилась, я согласилась с ним пойти, и вот тогда я первый раз познала мужчину. Сначала мне было неприятно, но еще два-три попробуешь и почувствуешь вкус страсти. У вас, госпожа, тоже так было?

Мядагма только смеялась и ничего не говорила.

— Ну, может, с другой стороны, даже и лучше, когда человек еще не познал счастья любви. Когда познаешь вкус любви, потом не сможешь отказаться от этого наслаждения, у тебя начнется зуд внутри. Днем еще ничего, а ночью трудно справиться с желанием, — сказала тетка.

— Как же ты встретила с человеком, когда жила у родителей? И тебя выдали замуж, будто ты нетронутый лунный цветок? — спросила Мядагма.

— Матушка догадывалась о моих похождениях и, чтобы избежать кривотолков, научила меня одному способу. Надо было подмыться черным купоросом, смешанным с чесноком, чтобы все там затвердело. Я в первую ночь притворилась, что мне больно, и так все прошло, — сказала Дума.

— А когда ты была девушкой, тебе ночью плохо было одной спать? — спросила Мядагма.

— Когда мой старший брат уезжал по делам, я ложилась в постель к невестке, и мы развлекались с ней, я ложилась на нее сверху, будто муж и будто занимались любовью. Вот и научилась премудростям любовных игр.

— Неужели это так приятно, когда две женщины спят друг с другом? — спросила Мядагма.

Дума подошла к Мядагме, обняла ее за плечи и сказала:

— Госпожа, ты еще не знаешь, как это приятно, когда тебя ласкают. Ты еще не познала огонь страсти. Как только познаешь эту страсть, тебе захочется испытывать это наслаждение постоянно.

Мядагма похлопала ее по спине и сказала:

— Нет, я не верю, это неправда.

— Мне, старухе, в этом году исполнилось 50 лет, я не могу в ночные часы кипеть страстью как раньше. А ты молодая, так зачем скромничаешь?

— Тетушка, говоришь, что не чувствуешь страсти, а сама еще мужчин привлекаешь, — сказала Мядагма.

— Да кому нужен увядший цветок и поникшая ива? Я, старая, и без этих утех знаю, как мне насладиться. Не буду от вас скрывать, госпожа, есть один способ, — сказала Дума загадочно.

— Какой такой способ? — спросила Мядагма.

— Подожди немного, ляжем вместе в постель, тогда я покажу тебе, — сказала Дума.

В этот момент вокруг пламени свечи стал летать мотылек. Дума замахала на свечу веером, и свеча погасла.

— Ой, свеча погасла, сейчас я схожу, зажгу новую лампаду, — проговорила Дума.

Вышла из комнаты, а там на ступеньках возле дверей уже стоял Балбар.

Балбар вошел и сел на стул в комнате. Тетка спустилась вниз, крикнула оттуда:

— Ой, уже так поздно, здесь печка погасла, негде огня взять. Что делать?

— Да ладно, я уже привыкла засыпать в темноте. Не нужно свечку искать. Я не боюсь темноты, — ответила Мядагма.

— Если я рядом лягу, ничего, может, вам будет не страшно? — сказала Дума.

Мядагма подумала, что тетка раскроет ей тот самый секрет, как справиться с нахлынувшей страстью, и торопливо проговорила:

— Конечно, конечно, очень хорошо.

— Ложись сначала ты, госпожа. Я закрою дверь и приду, — сказала Дума.

Мядагма разделась и легла в постель, потом крикнула:

— Иди скорей, ложись.

— Сейчас, сейчас, иду, — крикнула Дума.

В этот момент Балбар, сидевший на корточках возле стула, разделся, сел у постели Мядагмы. Мядагма стала гладить его со словами:

— Тетушка, ты говоришь, старая, а тело у тебя такое гладкое, мягкое.

Балбар молча продолжал гладить и целовать ее. Потом нырнул под одеяло, обнял, стал ласкать. Она тоже крепко обеими руками обняла его, поцеловала в губы. В тот же миг они сплелись в объятиях. Хмель помутил рассудок молодой женщины, она распалилась от вожделения. В этот миг уже было не до вопросов, ее охватил любовный огонь. И она отдалась его воле.

Поистине:

Одна — молодая женщина, обнимает редкого гостя у себя дома.

Другой — красавец мужчина, сгорающий от желания вдалеке от своего дома.

Балбар дорвался, наконец, до предмета своей страсти, исполнилась его мечта. Овладев хозяйкой дома, Радна потерял рассудок от счастья. Было ясно, что он досыта напился сегодня сладким дождем страсти. Он был так счастлив, будто на чужбине встретил старого друга. В душе испытал ни с чем не сравнимое блаженство. Балбар, погрязший в грехе, кувыркался, изгибался, наслаждаясь, как мифические птицы галбинга и гаруда, попав во власть ветра и луны. Полностью пленил госпожу Мядагму. Лишь только закончилось действие облака и дождя, Мядагма спросила:

— Ты кто?

Балбар рассказал всю историю — как ее увидел, потом попросил тетку Думу помочь встретиться с ней. И теперь исполнилась мечта всей его жизни. Сказал, что теперь и умереть не страшно.

Тетка подошла к ним и сказала, оправдываясь:

— Я — грешный человек. Пожалела, что уважаемая госпожа спит одна, да и жизнь Балбара хотела спасти. Наверное, еще в прежних перерождениях вам суждено было соединиться. А я тут и ни при чем. Раз уж так случилось, что теперь поделаешь. Теперь надо только, чтобы люди не узнали, чтобы эта тайна не просочилась наружу.

— Что если мой муж узнает?

— Пока только мы знаем. Остается Дулму умиловить, чтобы она нас не выдала, а так больше никто не узнает. Меня можете использовать, я каждую ночь буду вам устраивать такие свидания. Никто от меня ничего не узнает. Только потом не забудьте обо мне, — сказала Дума.

Мядагма ничего плохого не подумала тогда. Ей было хорошо с Балбаром, до самого утра продолжались их ласки. А на рассвете она отослала его домой.

С тех пор почти каждую ночь Балбар приходил к ней, иногда они приходили вдвоем с теткой.

Тетка обманчивыми лживыми словами уговаривала служанку Дулму, умащивала и запугивала ее, чтобы та молчала. Ей дарили подарки, купили несколько дэли на рынке, а когда возлюбленный хозяйки приходил, давал ей деньги. И она была очень довольна. Когда вечером Балбар приходил, она его встречала и всегда беспрепятственно пропускала в дом.

Как говорится, одна радуется жизни, а другой, любовник, будто приклеился. Мядагма стала ему больше чем жена, так он полюбил ее. Чтобы сильнее привязать ее к себе, Балбар покупал ей всякие подарки, одежду, платья, украшения, расплатился с Думой за все украшения, которые Мядагма выбрала до этого. За полгода, которые он провел в столице, Балбар потратил тысячу лян серебром. Мядагма тоже больше 50 лян потратила на тетку. А Думе только того и надо было — за деньги готова любого продать и на любое несправедное дело пойти.

Балбар уже долго задержался в столице по торговым делам. Однажды ночью он сказал возлюбленной о своем решении ехать домой. Трудно было расстаться. Мядагма готова была идти за Балбаром на край света.

— Давай поженимся, будем жить как муж и жена, — сказала Мядагма.

— Нет, это невозможно. Наш с тобой роман — это исключительно заслуга тетушки Думы. Хозяин дома, где я остановился, не знает, куда я уйду по ночам, но скоро может меня заподозрить. На торговом пути много людей, скрыться невозможно. Да и Дулму нельзя взять с собой. А когда муж вернется, все раскроется и добром это не кончится. Потерпи, моя госпожа, немного. На будущий год я приеду, остановлюсь в тихом месте, дам тебе знак, и тогда сам черт нам не помешает, — сказал Балбар.

— А вдруг ты не приедешь на будущий год? — спросила Мядагма.

Балбар поклялся, что приедет, и стал готовить багаж.

В последнюю ночь перед отъездом они не сомкнули глаз, сидели разговаривали, плакали, целовались, ласкам не было счета. В пять утра Балбар встал, оделся. Мядагма в этот момент открыла шкатулку и достала оттуда ожерелье. Это были те самые четки Очирай-батхана, сделанные из кораллов южных морей и обрамленные перламутром и жемчугом, оставленные на хранение Радной.

— Это драгоценность, которую предки Радны передавали по наследству девять поколений. Редкая вещь. Даю их тебе в знак моей любви на память. Теперь мы всегда будем вместе.

С этими словами она надела четки на шею Балбара. Они долго плакали, пока, наконец, расстались.

Как говорится в стихах:

Раньше так же, в слезах, провожала мужа.

Теперь снова горько плачет, провожая любовника.

Вот они какие, неверные жены.

Но разве не ведут себя так же уважаемые мужи?

После того как Балбар получил драгоценные четки, он каждый день доставал их, перебирал в руках, а ночью вешал на шею и ни на минуту с ними не расставался.

Ветер был попутный, не прошло и месяца, как он приехал в Улясутай. Остановился в доме, где собирались купцы со всех концов Монголии. Нашел фирму, где мог оставить на продажу свой товар. Однажды познакомился с гостем из столицы.

Как говорится, высокородные особы сидят на постах по велению великого хана небесного рождения. А низшие чины все пребывают в периферийных городах Халхи.

В купеческом доме оказался и наш старый знакомый — приятной наружности хорошо одетый человек, богат Радна собственной персоной. Нагруженный разными товарами, золотом и серебром, он решил по пути заехать в Улясутай — большой город на окраине Монголии. Приехал туда еще в октябре и

все это время занимался торговлей. Однако имя свое скрывал, назывался здесь по имени Лодон. Вот с ним-то и познакомился Балбар, ни о чем не подозревая. Они были ровесники, и у них было много общего. Разговорились, каждый рассказал свою историю, стали ходить друг к другу в гости, часто встречаться, подружились. Радна собрал все деньги, что люди были ему должны, и собрался ехать домой. Накануне решил попрощаться с новым товарищем, купил вина и пришел к нему домой поговорить по душам. Заканчивался пятый месяц, было жарко. Они распарились, сняли верхнюю одежду. И тут Радна увидел у Балбара на шее коралловые четки. Замер и не мог ничего сказать от изумления. Однако принялся восхищаться красивыми кораллами.

— У вас на родине, в Хурэ, есть богатый человек, зовут Радна. Вы не знакомы с ним? — спросил Балбар.

— Я ведь давно уехал из дома. Но с таким человеком незнаком. Может, слышал о нем, но так не видел, — солгал Радна, — почему, уважаемый Балбар, спрашиваете о нем?

— Не буду от вас скрывать, уважаемый, я связан лично, телесно, с этим домом, — и, показав четки, добавил:

— У меня роман с Мядагмой. Она мне подарила четки. Не могу ли я вас попросить передать записку моей возлюбленной?

«Ну и дела! — подумал Радна. — Четки-то подлинные, те самые, значит, и история подлинная, была на самом деле».

Все его сердце словно пронзили сотни иголок.

— Завтра утром я принесу вам, уважаемый, в гостиницу письмо, — сказал Балбар.

— Хорошо, — едва одними губами проговорил Радна, быстро собрался и вышел. Придя домой, он не мог успокоиться, душа его болела. Ему хотелось сейчас же чудесным образом, в мгновение ока, оказаться у себя дома в Хурэ. Решил тотчас отправиться в дорогу. Рано утром он собрался уже тронуться в путь, и в это время пришел Балбар и отдал Радне сверток:

— Отвезите это, — сказал он.

Радна потемнел лицом, не мог ничего сказать, ни жив ни мертв, взял сверток. Они попрощались. Как только Балбар ушел, Радна вскрыл сверток, вынул записку и прочел: «Это письмо передать в руки тете Думе, которая живет на западной окраине улицы богатого торговца Радны, что живет в западном районе сайд бейса в Их Хурэ». Радна в гневе разорвал письмо и достал из пакета вчетверо сложенный шелковый платок, к одному концу которого было привязано золотое колечко в пять цен. В записке было написано: «Два маленьких подарка прошу передать уважаемую госпожу моей возлюбленной Мядагме в знак моей любви и в знак свидания в будущем году. Объясните ей все». Лицо Радны потемнело, стало темнее земли. Он так разозлился, что бросил записку в огонь, кольцо положил на доску и ножом распилит надвое. Вдруг подумал: «Какой я глупый. Пусть это

будет мое доказательство вины и предательства». Он собрал кольцо и снова завернул его в платок. Приказал экипажу трогаться в сторону дома. Издалека увидев свой дом, расчувствовался, из глаз полились слезы. «Как мы горячо любили друг друга! А теперь что? Ради мелочной прибыли величиной с головку мухи бросил любимую жену-красавицу одну в доме, будто сироту какую. И вот к чему это привело. Да что уж теперь жалеть и горевать», — подумал он. Конечно, ему было обидно, но он торопился домой. Подойдя к воротам дома, замедлил шаг. Вошел, с трудом усмирив гнев. Они поздоровались молча. Обескураженная молчанием Радны, Мядагма растерянно улыбалась. Радна разгрузил поклажу, внес в дом и вышел, сказав, что идет навестить тестя и тещу. А сам отправился в палатку караванщиков и там переночевал. Вернувшись домой утром, сказал:

— Твои родители очень больны. Я всю ночь сидел около них. Они хотят тебя видеть. Я приготовил тебе экипаж. Потом тебя заберу.

В душу Мядагмы закралось подозрение сразу, как только муж не пришел ночевать. Она отдала ключи от дома Радне и вместе со служанкой села в паланкин. Радна позвал Дулму, достал из рукава письмо, велел передать его Санджиду и возвращаться с паланкином обратно домой.

Мядагма, приехав домой, увидела, что родители здоровы. Санджид тоже, увидев, что дочь пришла домой, хотя он ее не вызывал, удивился. Он развернул письмо Радны и прочитал: «Письмо об отказе. В детстве я доверился сватам и просил руки вашей дочери. Женился на ней. Но теперь она совершила проступок, проявились недостатки, поэтому мне ничего не остается, как выдворить ее из дома. Помня о вашей доброте и об интимных сторонах жизни мужа и жены, истинной причины назвать не могу. Свидетельствую вам мое почтение. В дальнейшем будем поддерживать дружеские отношения. Что и удостоверяю этой подписью»

В пакете вместе с письмом был белый шелковый платок, сложенный вчетверо, и из червонного золота расколотое кольцо. Санджид растерялся, позвал дочь и стал спрашивать, что это такое. Мядагма поняла, что ее секрет раскрыт, не могла сказать ни слова, только рыдала.

Он тотчас отправился к Радне выяснять, что произошло. Радна встретил его с почтением.

— Уважаемый зять, вы с моей дочерью были обручены еще в детстве. Она росла добропорядочной дочерью, никаких развратных настроений я в ней не замечал. И отдал вам ее чистой и непорочной. Какую же ошибку она совершила, что вы отказываетесь от нее? Скажите мне точно, в чем дело, — спросил Санджид.

— Мне, ничтожному человеку, вашему зятю, сказать невозможно. Надо спросить у вашей дочери.

— Она ничего не говорит, только плачет. Разрывает мне душу. Она всегда была разумной, никогда ничего плохого не допускала, никакого разврата. Если она что и совершила, то ты уж прости ее из ува-

жения ко мне, старику. Вы же просватаны были в семь лет. Поженившись, жили очень дружно. Ты надолго уехал торговать, только что приехал, что такого случилось за эти дни, что ты выставил ее из дома? Эта история может вызвать всякие сплетни.

— Послушайте меня, уважаемый тесть. Я не могу более ничего добавить. Я оставил на хранение вашей дочери драгоценные перламутровые и коралловые четки, реликвию моей семье. Вот вы и спросите, где эти четки. Если они есть, то я замолчу. Если нет, то не ругайте меня, — сказал Радна.

Санджид вернулся домой и спросил дочь:

— Твой муж требует показать ему четки? Где они, ты знаешь? Скажи правду, кому ты их отдала.

Мядагма все поняла, покраснела, не могла вымолвить ни слова и принялась плакать пуще прежнего в голос.

Санджиду ничего не оставалось, как оставить дочь в покое. Мать, Должин, увещевала дочь:

— Перестань плакать и скажи нам правду, тогда легче станет.

Но Мядагма ничего не могла сказать и только рыдала и стонала.

Санджид отдал письмо и платок жене и велел потихоньку выведать у Мядагмы, в чем дело.

Мать увела Мядагму в другую юрту, чтобы поговорить с ней по душам. Увидев, как опухла от слез молодая женщина, мать отправилась на кухню разогреть вина, чтобы ее успокоить. Мядагма осталась в юрте одна и никак не могла понять, как раскрылась тайна драгоценных четок и откуда явилось кольцо с платком. Долго размышляла и потом решила: «Знаю. Это разбитое кольцо все равно что разбитое зеркало. А платок означает, что мне надо в петлю и умереть. Он намекает, что единственный способ спасти мою честь — только повеситься. Столько лет мы жили счастливо и добропорядочно. И в одно утро все разрушено. Я сама виновата, я отринула доброту моего мужа. Пока еще на этом свете живу, но дальше меня не ждет ничего хорошего. Лучше повеситься». Не переставая плакать, она встала на столик, привязала один конец платка к тоно юрты, сделала петлю и решила покончить с собой. Но в этот момент в юрту вошла Должин, от растерянности она выронила кувшин с вином из рук — хотела поставить его на стол, но оступилась, упала, и Мядагма тоже упала на пол. Должин подхватила дочь, подняла ее со словами:

— Что ты задумала? Глупости какие! Ты на свете живешь немногим больше двадцати лет. Еще не распустились все цветы на ветке, твой муж сейчас рассержен, но, может быть, потом он успокоится, и все снова будет хорошо. Но если уж он не возьмет тебя обратно, неужели ты думаешь, что для такой красавицы не найдется другого мужа? Мы найдем тебе подходящую семью и хорошего человека. И хотя бы наполовину, но будешь счастлива опять. Успокойся, — сказала мать.

Пришел Санджид. Узнав, что Мядагма собиралась покончить с собой, разгневался. Приказал матери хорошенько следить за дочерью.

Прошло несколько дней, Мядагма немного успокоилась и оставила мысли о самоубийстве.

Тем временем Радна решил узнать, что случилось, у служанки Дулмы. Он связал ее, достал ремень и стал пытаться. Дулма долго упиралась, но после того как Радна избил ее, все в подробностях рассказала, как Дума пришла, как сочинила план, соблазнила Мядагму.

Радна отправился с друзьями на поиски юрты тетки Думы. Найдя, все разгромили. Дума бросилась искать помощи у соседей, но ей никто не помог, так как все знали, что она виновата. Только когда Радна убедился, что все сломал, он немного успокоился и вернулся домой. Позвал торговку и продал Дулму в дом терпимости. На втором этаже, где жила Мядагма, перед его глазами стояли шестнадцать шкапулочек и сундучков жены. Не в силах видеть то, что ему напоминало любимую, он запечатал все сундуки и коробки, сложив туда тридцать две записки с пометками.

Расскажем также, что в это время в Хурэ находился чиновник Буян, приехавший из Кяхты. Он получил назначение на должность уполномоченного в Урянхайском крае и был здесь проездом. Прибыл в Хурэ по северной дороге. У его жены не было детей, и он искал себе молодую спутницу жизни. Сколько бы ему девиц ни показывали, никто не нравился. Однажды знакомые сказали, что у старика Санджиды есть красавица дочь. Он приготовил подарки на 50 лян и отправился сватать ее. Санджид обрадовался, но предупредил, что есть еще зять Радна. Буян лично пришел к Радне спросить его разрешения взять в жены Мядагму. Радна нисколько не был против. Тогда Буян взял Мядагму в жены. А Радна нанял людей и отправил все сундуки Мядагмы вместе с ключами нетронутыми к ней домой.

От вида этого багажа сердце у нее снова сильно заныло. Люди хвалили Радну за его сильный характер и мужество, упорство, а другие насмехались и осуждали, говорили, что он помутился разумом. У всех людей разные мнения, но мы об это рассказывать не будем.

Вернемся к Балбару, который в Улясутае закончил торговать шелками и вернулся домой. При этом все его мысли были о Мядагме. Вечером, глядя на четки, он глубоко вздыхал и горевал. Жена Ханда догадалась, с чем связаны четки, и когда муж заснул, она потихоньку стащила их и спрятала их на чердаке дома. Балбар утром хотел надеть четки на шею, но их нигде не было. Стал требовать у жены, но она не признавалась ему и ничего не говорила. Балбар страшно расстроился, стал рыться во всех сундуках, трясти одежду, но четок нигде не было. Жена устроила ему скандал, плакала, три дня они ругались. Балбару стало нелегко жить. Он взял деньги и вместе с мальчиком-слугой опять поехал торговать. Они уже подъезжали к столице, Хурэ, когда на них напали бандиты и обокрали вчистую, а мальчик-слуга был убит. Балбар же, издали заметив бандитов, спрятался в ложбинке и остался жив.

Ему нельзя было возвращаться домой. Он перешел через перевал, добрался до Хурэ, кое-как добрал до гостиницы, где раньше останавливался. Решил одолжить денег у знакомых, чтобы заняться торговлей. Подумал, что нужно встретиться с Мядагмой и взять у нее в долг. Но хозяин предупредил:

— Эх, ты же ничего не знаешь. Та женщина изменила мужу. Из-за плохого поведения Радна отправил ее домой к родителям. Когда родители стали выяснять у него, в чем причина, он потребовал вернуть ему четки. Но так как она отдала четки своему любовнику, ей нечего было сказать, и Радна выставил ее из дома. А родители потом отдали ее в качестве младшей жены урянхайскому чиновнику. У нее нет ни гроша, она теперь чужая жена.

После этих слов Балбар был так ошарашен, будто ушат холодной воды вылили ему на голову. Ночью у него началась лихорадка, и он слег. Болезнь была вызвана и тоской по Мядагме, и еще опухоль появилась от переживаний. Два месяца Балбар не мог встать с постели. Ему не становилось легче, тогда хозяин гостиницы нанял к нему сиделку, его слуги ухаживали за больным. Балбару было неудобно, он пытался встать, но болезнь зашла слишком глубоко, он был ослаблен. Написал записку жене домой с просьбой, чтобы она прислала ему немного еды и денег и кого-нибудь из родственников и слуг ухаживать за ним. Дамба, хозяин гостиницы, помог найти посыльного — знакомого чиновника попросил переслать письмо казенной почтой в Кобдо. Он дал посыльному сверху от себя еще пять лян серебра, умоляя отвезти письмо в Кобдо.

И уже через несколько дней письмо оказалось в Кобдо. Посыльный отдал письмо Ханде и поскакал обратно. Ханда развернула письмо, убедилась, что это почерк мужа: «Я, Балбар, кланяюсь своей жене Ханде, с просьбой обращаюсь. Когда я выехал из дома, по дороге в Хурэ был ограблен. Разбойники все отобрали, убили моего слугу. От страха и такого испытания я заболел и лежу у старого знакомого Дамбы в доме уже два месяца, никак не могу поправиться. Когда ты получишь это письмо, найми кого-нибудь, пришли мне еды с верным человеком. На этом письме заканчиваю». Ханда прочла эти строки и была обескуражена, она верила и не верила Балбару. «Первый раз, когда поехал, потратил впустую тысячу лян, а теперь опять требует денег, — подумала она. Посоветовавшись с отцом Насаном, Ханда решила ехать сама. Взяла в попутчики Лувсана, наняла упряжку и поехала в Хурэ. Когда они достигли Дзаяйин Хурэ¹, то ее сопровождающий Лувсан тоже заболел и не мог дальше ехать с ней. Поехала вместе с супругами Чойджилом и Долджином. Через несколько дней она прибыла в Хурэ, нашла постоялый двор Дамбы и услышала, что Балбар пять дней тому назад скончался. Дамба потратил свои деньги на его похороны. Услышав это, Ханда заплакала и долго лежала, сотрясаясь от рыданий. Она наняла монахов читать поминальный молебен, потом с помощью Дамбы совершила все необходимые обряды. Она отдала

ему двадцать лян серебра. Целый месяц прожила в его доме, ничего не говоря, только печалась.

Наконец выбрала хороший день, чтобы ехать обратно домой, на родину.

— Ты красива и молода, надо сосватать тебя моему знакомому Далаю, — сказал Дамба. Он взял вино и в сопровождении Чойджила отправился к своему приятелю Далаю сватать Ханду.

— Скажи своей жене, если вы поможете Ханду сосватать, то я ее отблагодарю, — сказал он Чойджилу.

Жена Чойджила Долджин была женщиной глупой, тщеславной и скаредной, поэтому охотно согласилась уговорить Ханду. Но она была глупа, не умела хитрить и не знала никаких красивых слов, не понимала, что плохо, что хорошо, что высоко, что коротко. Прямо так в лоб ей все и выложила, что ее хотят отдать в наложницы.

— Ханда страшно рассердилась, даже ударила Долджин и напустилась на хозяина дома. Дамба не мог на нее сердиться, ничего не сказал.

Поистине:

Прежде чем найдешь кусок баранины и жирные борцоги,

Пустое тело питается запахами.

Дамбе ничего не оставалось, кроме как уговорить Чойджила оставить Ханду в покое. Чойджил решил, что ему незачем здесь оставаться, поговорил с женой. Они забрали все украшения и деньги Ханды и сбежали ночью, оставив Ханду одну. Дамба знал все заранее, но притворился и стал ругать Ханду:

— Что же ты таких ненадежных, плохих людей наняла? Видишь, как они с тобой поступили. Они и мои вещи украли. Если бы у кого-то другого украли, я бы так не печалился, но молодой вдове здесь не следует оставаться.

Он потребовал, чтобы Ханда съехала из его дома. Ханде ничего не оставалось делать, как снять другое жилье.

Невозможно описать, как ей было холодно, страшно и трудно. Жену хозяина нового дома звали Сурэнджав. Она была мягкой добродушной женщиной. Увидев слезы Ханды, стала ее утешать. И каждый день сидела возле нее.

— Я с детства неплохо рукоделье знаю. Может быть, мне пойти в богатый дом, чтобы там обучать девиц шитью и рукоделью?

— Нет, нельзя так говорить. Эта работа тебя недостойна. Разве ты можешь всю жизнь посвятить шитью? Более того, это нехорошая работа. Тобой все будут помыкать, — ответила Сурэнджав.

— Но ведь у меня нет другого выхода, — сказала Ханда.

— Нет, есть другой выход, — сказала Сурэнджав, — только ты не осуждай меня за эти слова. Ты осталась одна, вдова, без поддержки, и гроша за душой у тебя нет. И домой ты не можешь вернуться, потому что подходящей одежды и той в дорогу нет. Если что-нибудь случится, как ты будешь? Я, глупая, думаю

так, что, пока ты молода и красива, надо найти тебе подходящего мужа. Вот это правильный выбор с твоей стороны. Покойный муж тебе не простит, если ты будешь страдать.

Ханда сначала спорила с ней, но потом согласилась, призналась, что та права.

— Раз госпожа решила, то у меня есть на примете человек. Я могу с ним поговорить. Потом вместе с тобой к нему сходим. Он хорош собой и богат.

— Ну, если он богат, нужно будет исполнить свадебный обряд как полагается, — сказала Ханда.

— Нет, он уже был женат, но сейчас жены у него нет. Он давно меня просил, чтобы я подыскала ему невесту, и сказал, что ему нужна только красавица. Как только он тебя увидит, ни за что не откажется от такого счастья, — ответила Сурэнджав.

На самом деле она имела в виду Радну. Он действительно просил ее найти ему невесту. Он хотел, чтобы новая его жена была не хуже прежней красавицы Мьядагмы. Конечно, Ханда не могла сравниться по красоте с Мьядагмой, но живостью характера и смиренным нравом, благоразумием была лучше ее. Вскоре Сурэнджав сообщила Радне о том, что у нее есть невеста, и он очень обрадовался. Сурэнджав рассказала ему, что Ханда не интересуется ничем, только оплакивает покойного мужа, ходит в храм, заказывает читать молебны. Так Сурэнджав сыграла роль свахи. И они сговорились.

Когда Ханда закончила траур и поминальные молитвы по мужу, она сходила и забрала одежду, которую она оставила в прежнем доме, из дома Радны ей тоже прислали одежду и украшения. Радна привел Ханду в свой дом, и в первый день они свершили, как водится исстари, обряд, соединили свои сердца и судьбы, слились воедино у цветочной лампы в глубине покоев.

Поистине:

Обряды одинаковы во все времена, что раньше было, то и теперь.

А новая любовь оказалась лучше прежней.

Радна, наблюдая за манерами Ханды, за тем, как она строга и смиренна, стал к ней относиться с большим уважением. Однажды он пришел домой. В это время Ханда занималась уборкой. И вдруг она достала коралловые четки с перламутровым обрамлением. Радна вздрогнул и спросил:

— Откуда у тебя эти четки?

Ханда рассказала, как муж привез эти четки из своей поездки, как они ругались, скандалили из-за них и как потом разошлись. Все ему рассказала.

— В эти дни, когда мне было тяжело, я хотела их продать, но так как я не знала их настоящую историю, откуда они, то из предосторожности, чтобы они не принесли мне новых страданий, решила подождать, — сказала Ханда. До сих пор никому не показывала их. Мне неизвестно, откуда у мужа взялись эти четки.

— Твоего мужа звали Балбар? — спросил Радна. — Белолицый мужчина, без бороды? А на ладони левой руки у него красное родимое пятно?

— Да, точно, это он.

Радна вскрикнул от неожиданности, потом сложил молитвенно ладони и сказал:

— Небо прислало тебя. Это мне воздаяние за прежние грехи. Вот какой страх. Фатум! Драгоценные коралловые четки — реликвия моей семьи. Твой муж пристал к моей жене, и она отдала их ему в знак любви. Я в Улясутае случайно с ним познакомился и увидел у него эти четки, тогда я все понял, понял, что с моей женой у него был роман. И когда вернулся домой, Мьядагму и Дулму выгнал из дома. А твой муж умер в торговом подворье. Мог ли я тогда знать, что потом его жена станет моей женой? Получается, что я ему отомстил.

Услышав его рассказ, Ханда была поражена в самое сердце. После этого они еще больше сблизились и стали любить друг друга сильнее. Вот так Радна вновь встретился со своими коралловыми четками.

Поистине:

Невозможно избежать воздаяния, когда небо посылает наказание в ответ за твои прегрешения.

Посмотрите, как эти господа обменялись женами.

Также расскажем о том, как Радна спустя год решил вновь ехать в Тарвагтай, а по дороге заехать в Урянхайский край, там у него были дела. Решил купить меха. Сговорился с продавцами о цене. Но старик, хозяин торгового дома, украл у него шкурку соболя и ни за что не хотел в этом признаваться. Радна разозлился, схватил его за рукав, и вдруг старик упал и умер.

Все его семейство — жены, дети запричитали, закричали. Невыносимо было это слушать. Тотчас пришли стражники, арестовали Радну, отвели его в тюрьму. Подали на него в суд. Утром на рассвете исковое заявление принесли в дом чиновника, уполномоченного управляющего Улясутая. Чиновник, увидев заявление, велел заковать убийцу в цепи и ждать завтрашнего суда. А управляющим, наместником занги седьмого разряда, в Улясутае был как раз чиновник по имени Буян, наш старый знакомый, новый муж Мьядагмы.

Сначала он служил в Кяхте, начальство увидело его старания и отпустило с повышением в должности в Урянхайский округ. Той ночью Буян изучал уголовное дело. Рядом сидела Мьядагма и вдруг нечаянно увидела имя Радны в бумаге: «Дело Лодона, торгового человека из Хурэ по имени Радна». Сердце ее затрепетало. Со слезами на глазах она проговорила:

— Этот Лодон — родной старший брат вашей младшей жены. Он вырос в доме дяди Сайджраха. Случайно оказался в тюрьме, он не виноват. Смиловитесь, спасите его, отправьте домой, — взмолилась Мьядагма.

— Посмотрим, что суд решит, — сказал Буян, — Если он действительно виноват, то я ничем не смогу помочь.

Мьядагма стояла на коленях, горько рыдая, и умоляла спасти Радну.

— Подожди, не торопись. Завтра утром я буду решать, как его наказывать.

Мядагма на другой день рано утром, глядя на Буяна глазами, полными слез, сказала:

— Если вы не спасете моего брата, то я умру, и вы больше никогда не увидите свою младшую жену.

В тот день Буян сидел у себя в управе и проводил разбирательство по делу. Пришел Бямба, сын покойного с братьями, которые подали заявление на Радну. Хором, со слезами, они обвиняли Радну в убийстве и требовали строго наказывать, отплатить за смерть отца.

— Они спорили из-за соболиной шкурки, этот человек разгневался, сильно ударил отца, тот упал и умер. Мы просим, чтобы он ответил за смерть нашего отца.

Буян опросил многих свидетелей, и все говорили, что он сильно ударил, Радна толкнул старика, и тот упал. А сам Радна говорил:

— Их отец украл у меня шкурку соболя, и я стал с ним ругаться. Но он старый человек, оступился, сам упал и умер. Я не виноват.

— Сколько лет было вашему отцу? — спросил Буян.

— Шестьдесят семь.

— Ну, тогда и правда он был стар, слаб и сам мог умереть без посторонней помощи.

— Нет, его избили, и он умер, — спорили дети.

— Ну, тогда нужно провести экспертизу — привезти труп сюда, в тюремный морг, и мы посмотрим, есть ли у него раны или шрамы, следы побоев. Тогда и решим, насколько виноват ответчик.

Отца Бямбы звали Даш, люди хорошо его знали, к тому же он был старшим в жилом квартале, и сын Бямба не хотел, чтобы труп отца лежал в тюремном морге, это было позорно.

Бямба и другие дети поклонились Буяну и сказали:

— Многие люди видели и могут подтвердить, что случилось и кто виноват. Но мы бы не хотели в тюремный морг везти отца. Может быть, уважаемый господин, вы сами придете к нам осмотреть труп? — попросили они.

Чиновник сказал:

— Если мы не найдем следов побоев, то я не смогу согласиться с обвинением в убийстве. Если нет ран, несовместимых с жизнью, как я могу выносить приговор и докладывать в вышестоящие инстанции?

Братья просили снова и снова, тогда чиновник сердито сказал:

— Если вы не соглашаетесь на экспертизу тела, то мне трудно вести это следствие.

Они опять стали кланяться и сказали:

— Конечно, нашему отцу было почти 70 лет, наверное, он сам умер.

— Если он не был убит, то зачем я буду осуждать на тюремное заключение невинного человека, по сфабрикованному обвинению отправлять в тюрьму? Это грех на душу покойного. Вы, его сыновья, должны заботиться о его добром имени. Зачем распространять слухи о том, что он так нехорошо за-

кончил свою жизнь? Как это отразится на авторитете семьи? Он не был убит. Его толкнули, он упал, и это правда. Лодона не могу осудить. Давайте лучше почтим память вашего отца, его нужно похоронить честь по чести.

Братья согласились с Буяном. Радна был страшно обрадован, что так закончилось его дело и его посадили в тюрьму. В это время истец и ответчик поклонились чиновнику и поблагодарили его за честное разбирательство дела. Чиновник Буян сказал:

— Я не буду заводить судебное дело. Лодона отправлю домой, и этим дело закончим.

После того как муж ушел в управу, Мядагма сидела как на иголках. Он наконец вернулся домой и рассказал, чем дело кончилось

— Помня о тебе, никакого вреда не причинил Радне, — сказал он.

Мядагма тысячу раз его благодарила, потом сказала:

— Как будто я вновь встретилась со своим старшим братом. А можно мне с ним повидаться и спросить о моей семье?

— Ну, это можно, — сказал Буян.

Послушайте, мудрые читатели, что дальше было.

Мядагма, расставшись с Радной, болела душой, переживала от чувства вины, что она так отплатила ему за добро. Ведь они любили друг друга. Мядагма была изгнана из дома и старалась загладить свою вину. Мечтала исправиться. К тому же муж вернул ей все шестнадцать сундуков. Мядагма была всей душой предана Радне. А сейчас, когда Радна попал в беду, она сделала все, чтобы его спасти. И теперь она отплатила ему добром.

Тем временем Радна, увидев, как честно рассудил дело чиновник, отблагодарил его, щедро наградив. Сыновья Даша молчали и ничего не могли сказать против. После похорон Буян отправил известие о случившемся в министерство внутренних дел. Вызвав Радну, сказал:

— Уважаемый, если этот иск вновь возбудят, то я вас вызову, а если они не станут этого делать, то и я промолчу.

Они выпили чаю, чиновник привел Радну в свой кабинет, позвал младшую жену, и вот они встретились. Это было как сон. Не говоря ни слова, они бросились друг другу в объятия. И стали плакать. Это были слезы радости. Чиновник смотрел на них, потом сказал:

— Перестаньте плакать. Вы не похожи на дядю и племянницу. В чем дело? Мне надо знать правду.

Они сквозь слезы рассказали свою историю. Буян время от времени их переспрашивал. Мядагма встала на колени и стала каяться:

— Я, ваша жена, виновата. И должна умереть. Этот человек — мой бывший муж Радна.

Радна понял, что больше не может скрываться, и рассказал все:

— Да, она моя первая жена, моя любимая.

И вновь они стали плакать. А чиновник сказал, тоже уронив слезу:

— Как можно остаться равнодушным, глядя на такую любовь? Мы женаты уже три года, но детей у нас нет, поэтому я отпускаю ее. Возьми ее, Радна. Мядагма, возвращайся к своему мужу.

Они поклонились. Чиновник нанял экипаж и отправил Мядагму вместе с ее сундучками и шкатулками, да еще выделил слуг. И затем проводил мужа с женой за караулы. Вот какой мудрый человек Буян!

Поистине:

Священный жемчуг собрали в ожерелье.

Жемчужины оказались одинаковыми.

Меч правосудия сверкнул торжественно и справедливо.

Честный политик Буян вершит праведные дела.

Кому понравится порочная прибыль и преступная красота?

Действительно, у Буяна не было детей. Он отправился в Хурэ, поступил на службу в министерство внутренних дел, взял себе новую жену, и она родила ему троих детей. Потом он сдал экзамен на ученую степень и стал большим человеком. Все говорили, что он получает воздаяние за свои добродетели.

Радна вместе с Мядагмой вернулась домой, где они встретились с Хандой. Мядагма была все такой же, как и прежде.

Ханда была старше Мядагмы, поэтому она стала старшей, а Мядагма младшей женой. И Радна жил с двумя женами дружно и счастливо.

Примечания

1. Дзая ийн Хурэ — большой монастырь, основанный Дзая-пандитой, место, где сейчас находится город Цэцэрлэг, центр Архангайского аймака Монголии.

Как говорится в стихах:

Позарился на чужую жену богатый юноша Балбар и погиб.

Попалась в ловушку мошенницы красавица Мядагма и

Постыдный поступок совершила,

Правила нарушила и законы отвергла из-за

Подобной ведьме тетки Думы.

Предупреждаем — не связывайтесь с грязными своднями.

Прибыла Ханда из Кобдо в столичный город Хурэ¹.

Потом умер ее законный муж Балбар, встретила с Радной.

Приключилась интересная история с ней.

Повинуясь небесной судьбе, чиновник Буян

Прибыл в Урянхайский край, обретя новую жену.

Поистине чудесная красота

Поровну не дается каждому.

Пусть мудрый читатель не завидует счастью других,

Поберегите то, что обрели.

Пусть уроком станет история богатого Радны,

Поведанная «Жемчужной рубашкой»².

Пересказал, чтобы развлечь мудрецов,

Переделал и распространил Бодо.

Пусть вершатся добрые дела!

Перевела Л. Скородумова

2. «Жемчужная рубашка» — название оригинального китайского произведения, сюжет которого Бодо использовал в «Коралловых четках».

Г. Аюурзана

Письмо бабушке

1

Распустились деревья. При виде совсем молоденьких зеленеющих почек я вдруг подумал о бабушке. Мне кажется, ее аура пронизывает все эти почки. Иначе почему она мне вдруг вспомнилась?

Когда я шагал домой по душистой улице, перед глазами все время появлялись слова, которые вскоре будут записаны в моей тетради: «Бабушке, которая где-то есть».

Моя бабушка умерла в начале 1996 года от рака пищевода. В то время по монгольскому летоисчислению мне было восемь лет¹. Я не хочу верить в то, что люди исчезают без следа, тем более что и моей бабушке уготована такая судьба.

У нас ни у кого в роду не было рака пищевода. И бабушка никак не могла примириться с тем, что выпитая ею кипяченая вода с молоком никак не лезла в горло.

Она привыкла жить «как все», прислушиваться к словам других, и обычно сидела, робко озираясь вокруг, как бы спрашивая: «Что мне делать?» Моя бабушка за всю свою жизнь, наверное, не приняла ни одного самостоятельного решения.

Мама бабушки прислуживала в семье Пурэв гуна в Сайнноенхановском аймаке. Позже, после победы народной революции, князя лишили привилегий, и говорят, он пробовал самостоятельно собирать аргал², но у него ничего не получалось, поэтому он плакал и затем возвращался домой. Очевидно, кто-то заметил, что по возвращении рукава его парчовой куртки были насквозь мокрыми. Говорят, мама бабушки вернулась к ноену и несколько месяцев собирала для него аргал. Пурэв гун хорошо играл на ятаге³. Позже он сменил имя и встретил земляка, который узнал, что он работает ятагчином⁴ во дворце культуры в Южногобийском аймаке. Так рассказывала бабушка.

Происхождение бабушки неясно. Мало того что она была подкидышем, она и вообще среди местных резко выделялась, была чужой. Говорят, ее мать была голубоглазой, со светлыми волосами. Когда она

ходила пасти овец на южном склоне горы, ее голова сверкала при солнечном свете. Однажды какой-то приезжий с изумлением рассказывал:

— Вдруг вижу, со стадом овец ходит человек, а его волосы ослепительно сияют.

— Да это служанка ноёна, тетушка Мундун, — объяснили земляки, не придав этому никакого значения.

Бабушка же была светловолосой с голубовато-зеленоватыми глазами. В детстве моя мама увидела ошенившуюся собаку, пришла и сказала:

— У нее четыре щенка. Два — черные, а два — цвета маминых волос.

Когда в конце 1940-х годов в Гурванбулаг приезжали советские картографы, то им указывали на бабушку и говорили: «Вон, смотрите — советский человек», а те отвечали: «Глаза — советские, а других советских признаков нет». Вот такие рассказы ходили по окрестностям.

В детстве я думал, что глаза людей с возрастом становятся голубовато-зеленоватыми. Я твердо в это верил, хотя не обращал внимания, какие глаза у стариков.

Бабушка была человеком сообразительным, с хорошей интуицией. Бывало, когда она иногда сидела и вспоминала несчастливые моменты своего прошлого, я думал, что все это глупости, и пропускал мимо ушей ее рассказы. Покойница никогда не советовалась со мной, но даже если бы она и спросила что-то, я бы не ответил.

Женившись, младший брат бабушки уехал в Гоби и прожил там довольно много лет. У них не было детей. Однажды, когда он приехал на родину, дедушка уже отдал своего младшего сына в соседний айл на усыновление. А бабушка ему говорит:

— Приехал бы хоть на месяц раньше. Я своего сына собиралась тебе отдать. Человек, который возьмет моего сына, будет счастливым. Ты упустил свое счастье.

Про себя-то она подумывала отдать сына именно своему брату. Но побоялась — если она что-то ска-

жет, то ее осудят. И молчала. Сына она родила в сорок семь лет. В то время скотоводы долго не жили. Мой дедушка, которому было далеко за пятьдесят, наверно, думал о том, чтобы так поздно рожденный ребенок не остался сиротой. Уж, наверняка, он не спрашивал мнения бабушки о судьбе ребенка, которого она выносила и родила.

Хотя моя бабушка была скромной и безответной, на все у нее были прогрессивные взгляды. Всю жизнь она доила коров, пасла овец, но при этом не восхищалась жизнью в худоне.

— Мы прямо как скотина. Ничего не знаем. Если бы сейчас я была молодой, то выучилась бы грамоте, — часто говорила она.

Бабушка не умела читать. После приезда в центр аймака она часто слушала радио. С тех пор как я начал себя осознавать, помню, что бабушка безошибочно узнавала по голосу певцов, знала имена тогдашних вождей страны, какая страна социалистическая, а какая капиталистическая. И мне она говорила:

— Бедный, бедный Вьетнам, как же там люди страдают.

Как раз в тот год Америка сбросила бомбу, тем самым истребив всех свиней. И вообще, говорят, что раньше там росли прекрасные белые сандаловые деревья. Из-за бомбы белые сандалы исчезли... — так рассказывают.

После смерти дедушки часть скота раздали родственникам, а мы переехали поближе к центру. Бабушка никогда не ходила в магазин. И однажды попросила маму:

— Дай мне, пожалуйста, десять тугриков. Я схожу в магазин, что-нибудь посмотрю.

Обычно по кооперативным отделениям магазинов в сомонах и багах⁵ ходил дедушка.

Бабушка вернулась из магазина и сказала: «Я купила эту милую картинку с ребенком». То была упаковка детской еды. Когда мама просеяла ее и забелила ею чай, бабушка очень обрадовалась и сказала: «О, надо же, я купила нужную вещь».

До тех пор пока бабушка не слегла, она все делала по дому. Она была крепкой, здоровой и проворной. Насколько я знаю, она несколько раз в день ходила за водой на реку Туя и делала запас для моего дяди и для наших двух юрт. В то время вся работа по дому доставалась бабушке. Но мне было неприятно, что «моя бабушка служанка». А теперь моя мама вместо бабушки делает всю работу по дому до изнеможения, чтобы угодить моим капризным детям. А у меня вообще нет свободного времени, чтобы облегчить работу мамы. Ну что делать, когда придет смена, и я буду слугой для своих детей.

В детстве я тоже был капризным. Увидев, что соседские дети грызут орехи, приставал к взрослым и тоже просил. Сам грызть орехи я не мог, а у бабушки не было зубов. Тогда бабушка клала орех на чайную толкушку и раскалывала молотком. Как она ни старалась, ничего не получалось, все орехи расплющивались, от них ничего не оставалось.

Я хорошо понимаю капризных детей из бедных семей. Вспоминается детство. Когда я говорю, что

хочу изюм, мама приносила из магазина сладкие лепешки, а бабушка клала их на ту самую толкушку, разбивала молотком, собирала изюм и давала мне. Изюм был редкостью. Мое представление о счастье связано со вкусом изюма, который был извлечен из начинки.

Хотя бабушка знала много сказок, мне она почему-то их вообще не рассказывала. Сказки я прочитал из книг уже после того, как пошел в школу. Но зато она учила меня песням. В то время моя бабушка была единственным человеком, кто полностью рассказывал мне слова песен, которые пели все.

Когда я, бывало, во все горло орал «Откуда любовь приходит», взрослые сердились. Когда я спрашивал, что значат слова «Гордо выхаживал как горная антилопа», никто не мог мне ответить. И только бабушка мне тихонько шептала:

— «Встретился с томным взглядом».

Она хорошо пела протяжную песню «Очертания Хангая». Когда она прерывисто пела фразу «чистый просто-о-о-ор», ее голос казался мне голосом незнакомой молодой женщины. Вот только эту песню я совсем не выучил. Так как у меня память хорошая, я успел запомнить мелодию песни «Годовалый жеребенок», которую нигде больше не поют. Иногда песню «Годовалый жеребенок» я пою на бабушкин лад, и мне кажется, что никто ее больше так не поет:

...Хоть изюм сладкий,
Долго во рту не продержишь,
Хоть любовь истинна,
За поцелуем в путь не поедешь...

То ли из-за этой песни, то ли потому, что я ел изюм из разломанных лепешек, но я думал, что изюм нельзя есть большими охапками.

Такой возраст бывает, что даже если тебе невыгодно, все равно говоришь неправду, иначе душа не успокоится. Хорошо, что в то время со мной была бабушка. Я никогда не стеснялся бабушки, и всякие свои выдумки ей рассказывал. Самое главное, что бабушка могла сделать вид, будто верит всему, что я сказал. Был случай, когда я прочитал бабушке переводные стихи из книги «Сто песен на семидесяти языках» и выдал их за свои сочинения, и после того, как она меня похвалила и сказала, что это уже как готовая песня, я потом переиначивал слова песен и пел. Я до сих пор помню слова некоторых песен того времени.

Когда я был в третьем классе, бабушка жила в городе и присматривала за детьми дяди. Она говорила: «Мой сынок поедет в город с бабушкой, поступит в школу». Я представил себе, что буду сидеть в классе с детьми, которых совсем не знаю, и сказал:

— Нет, я не поеду

Бабушка очень обиделась и сказала:

— Разве я хочу тебя с мамой разлучить? Просто решила тебя проверить. А ты как чужой говоришь. Я думала, что ты с самого раннего детства ко мне привыкан, но оказывается, это неправда.

Иногда смешные случаи вспоминаются, что такие пустяковые мысли приводят человека к твердым ре-

шениям в жизни. Когда ты ребенок, одноклассники кажутся для тебя самыми важными.

Бабушка, как Пифагор, думала, что душа человека переселяется из одного тела в другое. Она точно знала, где находится душа покойного мужа, и насколько в этом не сомневалась. По мнению бабушки, душа дедушки переселилась в мое тело.

Он хорошо вел торговлю. Однажды бабушка дала мне девять пятаков и заставила погадать. Я не знал названий монет, но стал гадать и что-то такое ей сказал. Бабушка безоговорочно поверила в мои слова.

То, что я не верю в загробный мир и в то, что человек бесследно исчезает, — по сути, бабушкино влияние. Когда я впервые увидел сходство дочери с бабушкой, это обрадовало меня. Однако с возрастом это сходство пропало. Сейчас на бабушку похож мой сын, и это хорошо.

— В следующем перерождении ты обязательно будешь ученым, — говорила она мне. Сейчас моя бабушка вернулась ко мне в образе моего сына.

Теперь я сижу и пишу бабушке письмо.

Последние годы жизни бабушки я был с ней рядом. Сначала она скрывала свою болезнь. Ей нравилось, что все за ней ухаживают, приносят еду, и все просила: «Дайте шоколад во рту подержать», «Кладите побольше сахара в кашу. А то совсем безвкусная». Мы тогда думали, что бабушка ничего не подозревает. На самом деле она все знала, но ради нас не подавала виду. Однажды она сняла с себя маску капризного ребенка и вдруг сказала:

— Эта болезнь называется рак пищевода. Один наш земляк заболел им...

Рак пищевода доводит человека до полного истощения, очень страшная болезнь. Моя бабушка, такая крепкая, стала таять на глазах, как будто кто-то сглазил, и это было страшно. С каждым днем она все худела и худела. Ее спасало только то, что она верила в будущие перерождения, поэтому покорно, как ребенок, которого отругали, ждала приближающегося конца. Иногда страшно было смотреть в ее глаза, в которых читалось мучительное страдание, чувствовалось, как жизнь уходит из нее. А иногда взгляд ее выражал беззаботность, легкость, и мне казалось, что она постигла тайну того, чего мы никогда не поймем.

Примечания

1. Монгольское летоисчисление начинается с момента зачатия ребенка. То есть восемь монгольских лет соответствуют семи западным.
2. А р г а л — высушенный навоз, употребляемый в Монголии как топливо.

Всякий человек достоин сожаления. Бедная моя бабушка, в ее теле почти не осталось тепла, она, наверное, не могла согреться под одеялом. А перед самым своим концом она ясно сказала:

— Ну, теперь я уже не замерзну.

Может, это оттого, что она в этом мире промерзла до самых костей. Но как могли это понять остальные люди? Дети, которым она подарила жизнь, отчужденно смотрели на нее. Когда лама-астролог, распутывавший сетку планет, под которыми родился мой сын, сказал: «В предыдущем рождении сын был угнетенной несчастной женщиной», то перед моими глазами возник образ бабушки, бродящей по снежным горам Хангая с корзиной за плечами, собирающей аргал.

— На вечно снежной белой вершине горы кишат мошки. И я их даже вилами шевелила, — так она однажды сказала.

Когда издалека смотришь на вечные снега, они кажутся такими прекрасными, а оказывается, там мошки кишат! Но откуда?

2

Любимая моя бабушка!

После вашей смерти я однажды встретил старушку в автобусе на Хайласте. У нее был такой же коричневый берет, как у вас. Помните, как я сшил берет такого же цвета, как ваше старое дэли? И смешно, криво сшил. Шов берета у той бабушки был такой же кривой. Я чуть не заплакал.

Сегодня в парке распустились деревья. Уже середина мая, лето в этом году запоздало. Когда я остановился и посмотрел на ветку дерева, то снова подумал о вас.

Когда я был в третьем классе, ведь вы мне говорили: «Вместе поедем в город». Я остался не потому, что маму любил больше, чем вас. Это из-за ребят в классе, к тому же, как вы знаете, я привязался к одной девочке. Но вы меня тогда неправильно поняли.

Наверное, вы не сможете прочитать это письмо. Но это ничего. Главное, что вы где-то есть, и я это знаю. Неважно, где. Это, пожалуй, главное, не правда ли?

Перевела Е. Чернышева

3. Я т а г а — щипковый музыкальный инструмент, напоминающий гусли.
4. Я т а г ч и н — человек, играющий на ятаге.
5. С о м о н, б а г — административные единицы Монголии.

Прилагательные времени

...Проходившая мимо совершенно незнакомая
 Девушка улыбнулась, и мне показалось,
 Что я встречал ее где-то раньше.
 И никогда больше не повторится
 Запах ее духов,
 Как редкий лист под ногой...

Г. А.

Он по-своему разделил на три группы «Прилагательные», которые являются самыми капризными, легко и быстро меняющими свой смысл частями речи. В первую группу вошли прилагательные времени. Самые простые два слова из этой группы — «новый» и «старый». И так далее. Постой-ка, что же ещё?

Он заметил девушку, сидевшую возле дороги и продававшую бананы. Молоденькая девушка. «Молодой», «старый» — тоже прилагательные времени. Девушка уставилась на него, и их взгляды встретились. Она не была симпатичной. Он вспомнил, что хотел подойти к ней и взглянуть на бананы.

— Сколько стоят фрукты «гадил»? (Вообще-то это правильное название бананов, однако девушка не поняла.)

— Бананы сколько стоят?

— А-а.

Девушка улыбнулась и назвала какую-то цифру. Бананы, разложенные в ряд гроздьями, местами чернели, а местами были белёсыми. Девушка взяла бананы ярко-зеленого цвета и сказала мне:

— Вот эти очень аппетитные. Возьмете?

— Нет, нет, я больше люблю переспелые. Да и денег с собой у меня нет.

Улыбка девушки пропала, она развернулась и села читать газету. Не знаю почему, но выглядела она как будто обиженной. «Надо было взять те незрелые бананы, которые она показала...»

«Незрелый» — это ведь тоже прилагательное времени. Испорченные фрукты характеризуются прилагательными времени. Качество испорченных фруктов определяется прилагательным времени. Вообще определить время трудно. Если поспешить — будешь есть незрелые фрукты, а если запоздать — останешься ни с чем. Если фрукты прокисшие — заболит живот. «Прокисший» — тоже прилагательное времени.

Вскоре подъехал большой красный автобус. «Большой» и «красный» — это не временные показатели. «Большой», «длинный», «растянутый»... Как же по-другому сказать про этот автобус? Это уже прилагательные пространства. Мимо него прошел упитанный мужчина и толкнул в плечо так, что он пошатнулся. Ха-ха-ха, «упитанный», «здоровенный», «толстый»... Этот мужчина образован из бесконечных прилагательных пространства.

Он спохватился, что сам с собой смеется, осмотрелся вокруг. Никто на него не обращал внимания. На тонкой руке, ухватившейся за поперечный поручень автобуса, болтались и звенели часы на ремешке, который был слишком велик.

Внезапно раздался треск, и людей, ехавших в автобусе, швырнуло вперед. Женщины закричали, слышался плач ребенка.

— Эй, ты что? — прокричал водителю упитанный мужчина.

— Извините, собака пробежала, — сообщил водитель по громкой связи. — Все в порядке?

Все посмотрели друг на друга, и сзади прокричали: — Нормально.

Наш исследователь прилагательных, слыша все это, попытался ухватиться за поперечный поручень, но промахнулся и, хватая руками воздух, упал на ступеньки центрального выхода автобуса. Когда автобус резко затормозил, он ударился о вертикальный поручень.

В больнице он скончался, не приходя в сознание. «Не приходит в сознание», — говорили медсестры, он их прекрасно слышал. Как будто бы дремал. Только было очень тяжело от невыносимой головной боли.

Сквозь дрему ему вспомнилась не жена, а маленькая светленькая девушка по имени Сувдма. Он совсем не понимал, почему именно эта девушка представилась ему. Вспомнилось почему-то, как жадно целовал ее маленькие тоненькие губы. Вспомнил, как она поджимала их, а он торопливо пытался найти ее язык. И именно сейчас ему снова захотелось поцеловать только ее губы.

— Он не выдержит, — спокойно сказал кто-то из медиков, и умирающий почувствовал на своем лбу его дыхание.

«Я умираю», — подумал он. Хотя он понимал, что в момент смерти лучше думать о своей жене, все равно приходило лишь воспоминание о том поцелуе, как они целовались с той самой Сувдмой три года назад. Какая ерунда! Он посвятил той девушке свои мысли и желания, хотя на самом деле совсем не любил ее.

— Он что-то говорит. Как будто зовет кого-то, — с любопытством сказал врач.

«Я? Раз я зову ту распутную девицу, значит, я не умираю? Тогда...»

Хотя Сувдма никогда не была распутной девицей, но благодаря ей к нему пришел образ жены.

«Надо бы позвать жену».

Но произнеслось не ее имя, а другое слово. «Какое другое слово? Прилагательное? Какое прилагательное?» Как болит голова. Прилагательное или нет — уже не имеет никакого значения. Голова очень болела, и он увидел, что все слова: «жена», «муж», «отец», «мать», «время», «пространство» — слились в одно единственное, совсем простое слово. Все, что он сказал людям за свои тридцать лет, съезжилось до одного слова. Значит, он зря прожил жизнь? А люди, что они ему говорили? Голова закружилась, больничная кровать перевернулась. Все пустое! Но ведь они хорошо знают это слово, тогда почему же никто не скажет?

Если бы сейчас жена и Сувдма пришли в больницу вместе, он не стал бы никого стесняться. Произ-

нес бы то самое слово. Неужели жизнь оказалась настолько примитивной?

Но губы не двигались.

Он увидел, как где-то над городом пролетает стая черных птиц.

В это время в палату вошел бородатый мужчина и обратился к медсестре:

— Я принес тетрадь того парня, который потерял сознание в автобусе, его к вам привезли. Отдайте, когда очнется. Кажется, здесь есть домашний телефон, — сказал он, открыв первую страницу толстой тетради с выведенной крупными буквами надписью «ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ВРЕМЕНИ» и несколькими цифрами в нижнем углу.

Перевели Д. Водяницкая и Е. Чернышева

Д. Батбаяр

Любовь

Среди тысячи чудес во вселенной есть одно самое прекрасное — это цветы. Нет на свете ни одного островка земли, где бы они не росли.

Именно цветы украшают и подножья заснеженных гор, и просторы далекого севера. Ни промозглый осенний ветер, ни злые зимние морозы не могут запретить цветам расти.

Хотя цветок и считается растением, в голове не укладывается, как его можно так называть. И от растений, и от всего живого цветы отличаются. Ни в одном живом существе, ни в одном растении нет такого небесного света, который есть в цветке.

Ничто другое не увядает так же, как цветы, от легкого прикосновения или даже дыхания. На всем белом свете лишь любовь так же нежна и хрупка, как цветы. Именно поэтому вслед за любовью цветы пестрят разными красками: белая, розовая, красная, лазурная.

В моем крае нет черных цветов, оттого я думаю, что и во всем мире их не бывает. У любви нет черного цвета — как же могут быть черные цветы? На свете есть одно удивительное мгновение — это время, когда цветок распускает свои лепестки. Для человека этот миг — миг счастья. В золотом ли свете солнца, в серебристом ли сиянии луны весь мир сверкает в блеске невыразимого наслаждения, когда бутон распускает свои лепестки. В этом блеске влюбленные безмолвно любят друг друга. Человеческий язык не в состоянии описать любовь. В языке нет таких слов, которые могли бы полностью раскрыть это чувство.

Лишь на языке цветов возможно выразить любовные переживания. Не любивший человек не знает этого языка. Когда люди забывают тайный язык цветов, они теряют способность любить. По отношению к цветам можно узнать все о человеке. Некоторые люди, боясь наступить на цветок, даже близко не подходят к нему, другие, заметив цветок, несутся к нему, срывают и прикалывают к одежде как украше-

ние. Более того, есть на свете люди, которые совсем не знают о таком чуде, как цветы. Или не замечают, или если и заметят, знать не хотят, для чего они существуют. Разные люди есть на свете, ничего не поделаешь!

Редко встретишь что-либо подобное по своей нежности любви и цветку. Чем больше любовь, тем ранимее чувство. Именно поэтому цветок нельзя даже нежить, ласкать и целовать. На протяжении многих веков человечество выращивало цветы. Такие цветы называют садовыми или оранжерейными. Этим растениям предопределено быть украшениями. Хотя их красота приковывает взгляд, она совсем иная по сравнению с красотой степных первозданных цветов. Выращенные цветы не творение Бога. Они — творение человека. Любовь не такова. Истинная любовь подобна цветку, выросшему в нетронутой степи. Она не может служить человеку, как домашние животные. Чистая любовь и цветы не способны причинить вред. Они излучают добро.

Все на свете имеет свои корни. И поскольку любовь не исключение, получается, что она произошла от цветка. Наверняка, от любви и цветов все доброе на свете бьет ключом и все жестокое смягчается. В этом и причина того, что невозможно представить мир и жизнь без цветов и любви. В самом цветке, полном красоты, есть и грусть. Увядая, он погибает, окутанный ею. Поэзия — это печаль цветов. Нет на свете поэта, который бы не писал о цветах. Хотя цветок растет и увядает по законам вселенной, корень не исчезает. Из него растет другой цветок. Так же точно от одной любви рождается другая. Среди многовековой пыли, грязи, болот, пепла цветок раскрывает свои нежные лепестки, и только он, только любовь остаются совершенно чистыми. Во всем мире нет ничего чище, благороднее и драгоценнее, чем цветы и любовь.

Перевела Н. Чернуха

Слово

1. Слово — это раковина, выброшенная разумом на морской берег. Когда подносишь к уху раковину, слышен звук, лишь слегка напоминающий весть моря. Слово подобно раковине тем, что оно сохраняет наши понимание и восприятие окружающего нас мира, представления и мысли. Человек никогда не может полно выразить свои мысли словами.

Мысли — это океан, а слово подобно некому сосуду, который сохраняет смысл, находящийся в водах этого океана. Когда мы говорим, пишем, в наших словах остается лишь след мысли.

Хотя слово — слабое средство, люди используют слова для выражения мыслей. Человечество овладело методами, которыми можно усилить выразительность слова. Среди них самый действенный — изобразительный. Художественная литература — это классическое изобразительное средство.

2. Вселенная, мир — это существительные. Бытие — это глагол. Человек предпочитает существительные. Страстно любя их, человек пытается присвоить себе все силой глаголов. Оседлая жизнь — накопление существительных. Кочевая — накопле-

ние глаголов. Мудрость каждого народа измеряется не накопленными существительными, а накопленными глаголами. Это богатство относится к культуре, а не к цивилизации. Культура существует отдельно. Цивилизация стирает различия. Похожесть — одна из форм обнищания.

Глагол занимает подавляющее место в монгольской лексике. В языки, богатые глаголами, новые иностранные глаголы не приходят. Только когда существительное появляется, оно сразу приживается. По мере того как жизнь народов становится оседлой, лексика усредняется. Усреднение — начало разорения.

Глобализация — это цивилизация человека. Лексический мир многих языков уподобляется. Страны с помощью нескольких слов правят, в нескольких словах находят богатство, из нескольких слов сложена их сокровищница знаний.

Языковое обнищание порождает душевное обнищание. А душевная пустота — гибель человечества.

Перевела О. Сапожникова

Человек

1. Человек — тень времени. Гневаясь, забирает у черта зло, а успокаиваясь, просит у Бога милости. Человек говорит, что шестьдесят-семьдесят лет — слишком маленький срок, а когда спросишь, что будет через пять-шесть лет, сомневается, теряется, говорит, что это нескоро будет.

Человек, желая рая, творит ад. Лишь милосердие, подобно лучу, освещает горизонт. Человеческие образы складываются из мнений, понятий, воспоминаний о них других людей, а когда эти люди исчезают, то сам человек хотя и жив, но его как будто тоже нет. Трудно утверждать, что человек произошел от обезьяны.

Но можно уверенно сказать, что, лишаясь человеческого облика, он становится обезьяной. У человека есть великое, ни с чем не сравнимое богатство — это вера. На место веры в душу человека приходит пустота. Вместо того чтобы желать всеобщего счастья, люди живут желанием быть счастливее, чем другие, в этом находится источник страдания. Человек обладает одним запасом здоровья на всю жизнь, но ему нужно в два раза больше веры и в три раза больше мужества. Люди друг перед другом виноваты. Пока не придет понимание этого, страдания не уменьшатся.

Человек не находит истину, а причина в том, что он идет следом за тем, что услышал от других, и за тем, что ищут другие. Человек — такое существо, что, падая с вершины утёса, размышляет, нужно ли было прыгать.

2. Издавна человек — малоподвижное существо. Может быть, из-за недостатка движения у человека вместо четырёх ног остались две. Образ жизни, отрицающий движение, преувеличенное стремление к стабильности — основа оседлой жизни. Есть часть правды в том, что оседлый народ, как бы ни было, создал все формы порабощения.

3. В одном человеке сочетаются все людские качества, более того, качества всех живых существ. Но это не значит, что он велик. Можно лишь сказать, что животные и человек очень похожи.

4. Человек двулик. Один облик, который видят и воссоздают по собственному впечатлению другие люди. О другом человек мечтает. Ни один из этих обликов не является настоящим. И то и другое — роли человека. Один облик он сам скрывает, другой — думает, что скрывает. Правдивую сторону человека никто не знает. Поскольку она скрыта, человек из всех живых существ самое странное.

Перевела О. Сапожникова

Д. Нацагдордж

Мрачные скалы

Летом ночи короткие, и в восемь часов утра солнце уже высоко. Едва очнувшись от сна, я закурил сигарету. Поудобнее устроившись, я еще немного полежал, обдумывая дела на предстоящий день. Потом вытащил из-под подушки свою записную книжку и начал перелистывать странички. Внезапно мое внимание привлекли поблекшие слова, написанные когда-то химическим карандашом. Я смочил палец слюной, провел по стершимся буквам. Удалось разобрать надпись: «Тридцатое августа. Суббота. Мрачные скалы. Нина». Я совершенно забыл, когда и зачем сделал эту краткую запись, поэтому я вновь, не торопясь, перечитал ее. При имени «Нина» в моем сознании, словно молния, сверкнуло воспоминание о моей любимой, вспомнилось, как мы сидели вдвоем, взявшись за руки, в тени вяза. Перед моими опущенными ресницами возник ее образ, меня охватило волнение, одно за другим в моей памяти возникали воспоминания. Пепел дымившейся сигареты упал мне на грудь. Вздрыгнув, я очнулся и начал размышлять о том, что бы могла значить эта запись. Нина была красивой молодой девушкой, семь лет назад мы с ней любили друг друга. Потом горы и моря разделили нас, и наши сердца отдалились друг от друга. Что стало с моей милой Ниной, я не знаю. Спрашивал у всех, искал ее, но так и не нашел. Сегодня, увидев под ничего не значащими словами ее имя, понял, что в моей душе теплится любовь. Поразмыслив, я решил, что эти слова написаны Ниной рукой в день нашего расставания. Но значение записи для меня оставалось загадкой. Нина — умная и серьезная девушка, и мне казалось, что в этих словах скрыт глубокий смысл, и если я его разгадаю, то найду мою любимую Нину.

Я велел подать мне чай. Напившись, я продолжал лежать в постели и размышлял о смысле написанного. В этот момент вошел мой повар и встревоженно спросил:

- Хозяин, что с Вами?
- Ничего.
- А я беспокоюсь. Вы выглядите плохо.

— Нет, просто устал.

После я отвернулся к стене, натянул на голову одеяло. Мой повар тяжело вздохнул и ушел.

Около часа я провел в размышлениях и наконец догадался, как объяснить эту запись. Тридцатое августа, суббота — это день назначенного свидания. Мрачные скалы непременно должны обозначать место встречи. Но как я удивился, когда, взглянув на календарь, увидел, что сегодня тридцатое августа, суббота. Я вскочил на ноги и велел слуге немедленно оседлать мне коня. Повар, выходя во двор, пробормотал: «Что с вами, хозяин?» Вскоре он крикнул мне, что конь готов. Я схватил плетень, выбежал во двор и вскочил на коня. Однако совершенно не представлял себе, куда следует ехать, в какой стороне находятся Мрачные скалы. Удивленный повар спросил меня, почему я стою на месте и никуда не еду. От долгого стояния у коня немели ноги, становилось все труднее удерживать его на месте, поэтому я ослабил поводья, и конь понес меня на юго-запад. Я не стал этому противиться.

Разглядывая попадавшиеся на пути предметы, не заметил, как много верст я проехал. Очутился в безлюдной степи, меня мучила жажда, на душе было грустно. Конь покрылся пеной, но не чувствовал усталости и несся вперед. Преодолев несколько холмов, я оказался в местности, покрытой солончаком. Кругом было пусто, вдали на небе собирались грозные тучи. В безлюдной степи было неуютно. Поднялся сильный ветер, на душе стало совсем мрачно. Я подумал о том, что хотел отыскать Нину, но вместо этого заблудился.

Конь начал всхрапывать, прядая ушами. Оглянувшись, я увидел, что вдали бежит какое-то животное. Я захотел нагнать животное и, подскочив ближе, разглядел, что это не то лиса, не то волк. Когда я догнал его, оказалось, что это собака. Озираясь по сторонам, собака бежала на восток.

Собака была охотничья, и я подумал, что она непременно должна привести меня к людям. Страдая от жажды, я поехал следом за собакой. Преодолев

холм, мы оказались в горной местности, поросшей травами. Далеко впереди на юго-востоке виднелись высокие горы, ближе к нам — широкая река. Собака побежала медленнее, вскоре показалась почерневшая от времени юрта.

Около юрты не было скота, везде рос ковыль. Из юрты вышел мужчина, он стал звать собаку. Я чувствовал такую сильную усталость, словно ехал по степи целый день. При виде юрты я обрадовался так, будто встретил Нину.

Поручив коня хозяину, я вошел в юрту. Следом за мной зашел хозяин. Он опустился на колено по левую сторону очага, я сел на шкуру антилопы и завел обычный разговор, интересуясь его здоровьем и благополучием.

Хозяин — мужчина тридцати лет, был одет в замшевый халат с сыромятным поясом. Его манера говорить показалась мне необычной. Слева, ближе к двери, кто-то лежал, укрывшись меховой шубой. Из-под шубы торчала седая голова. Хозяин подал мне чай в домбо, стоявшем в золе, и придвинул пиалу с мясом тарбагана. Чай был мутный, словно вода в луже, от мяса шел неприятный запах. Однако я был очень голоден и, не раздумывая, принялся за еду. Но мысли о Нине не покидали меня, и я спросил у хозяина, не знает ли он, где находятся Мрачные скалы.

— Я провел здесь всю свою жизнь, поскольку я охотник, то хорошо знаю окрестности. Однако такого названия никогда не слышал.

Моя радость от возможной удачи сменилась разочарованием и огорчением, я не знал, в какую сторону мне следует ехать.

Мир велик. Кто может знать, где находятся Мрачные скалы? Можно объехать весь свет, искать тысячи лет, но не найти этого места. Мысли о Нине огорчали и тревожили мое сердце. Я нахмурился и не знал, что делать. Вдруг лежавшая у противоположной стены юрты старая женщина с трудом подняла голову и начала нашептывать молитву, обращаясь к изображению какого-то божества, стоящего на почетном месте. Хозяин удивленно смотрел на седую женщину. Я тоже удивился, подумав, что она совершает вечернюю молитву, и тут же вспомнил, что мне нужно отправляться в путь. Но в это время старушка взяла что-то с почетного места (*хоймор*) и отдала мужчине, сказав:

— Сын мой! Эта вещь принадлежит нашим предкам, может быть, она имеет отношение к тому самому месту, о котором спрашивает гость.

Хозяин взял у матери какой-то предмет, повертел в руках и отдал мне:

— Бабушка у нас совсем состарилась, могла что-то и перепутать, только сбивает вас с толку, — и положил предмет на стол.

Я схватил его, оказалось, что это обломок камня. Он выскользнул у меня из рук и, упав, раскололся

пополам. Я понял, что передо мной простой камень, покрытый толстым слоем грязи. Повертев в руках обломок камня, я посчитал, что он мне ничем не поможет. В этот момент сквозь нижний край стенки проникли солнечные лучи и осветили край излома камня. Камень снова показался мне интересным, и я вновь принялся его разглядывать. Камень оказался не совсем обычным и отличался от других камней. Тогда я подумал, что для меня он послужит вторым указанием нашей предстоящей встречи с Ниной. Я выпросил обломок камня у старушки, положил его за пазуху и с радостью отправился в путь.

Я всегда интересовался природой, хорошо разбираюсь в камнях. От самой юрты я стал приглядываться к попадающимся на пути камням, стараясь найти место, упомянутое старушкой. Несколько часов спустя я подъехал к горе, которая виднелась вдали. Переправившись через широкую реку, протекавшую у подножья, я направился вверх по ущелью. Меня обступила густая поросль леса, почва была глинистая и топкая, тропинок не было. Вокруг никого не было, только каркали вороны. Солнце село, различать камни стало уже невозможно, я продолжал подниматься вверх по ущелью и оказался в густом лесу. Начался сильный дождь, подул ветер, зашумели кроны деревьев. Повсюду были грязь, топь и овраги. Я очутился у пересохшего русла реки. Понесся треск и грохот, где-то совсем близко завыл волк. Я задрожал от страха, сердце бешено застучало, волосы встали дыбом. Если днем я не знал, в какую сторону мне ехать, то теперь окончательно заблудился и не мог определиться, где юг, где север.

О цели своего путешествия я давно позабыл, все время думал о том, чтобы не провалиться куда-нибудь с конем. Хотя я получил европейское образование и верил в науку, но тут начал вспоминать разную ерунду о нечистой силе и чертях, на ум пришли сказки об аде. Дождь усиливался, гремел гром, сверкали молнии. Меня пронизывал страх, опасность ждала повсюду. Дальше ехать было невозможно — впереди неприступные скалы. Вернуться обратно было трудно, я сбился с пути. Куда бы я ни обращал свой взор, везде громоздились скалы. Казалось, что название «Мрачные скалы» очень подходит к этой местности. Но разве здесь можно встретить Нину?

Я слез с коня и решил дождаться восхода солнца. Мой конь заржал, отшатнулся назад. В горах раздавалось эхо, меня пронизал страх. В это мгновение передо мной промелькнула какая-то тень и тут же скрылась. Я кинулся следом, но никого не нашел.

Точно так же я никогда не увижусь с моей любимой Ниной, с девушкой, которая оставила след в моем сердце.

Перевела О. Сапожникова